

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

АЛЕКСЕЙ ВЯЗОВСКИЙ

ОДИН ПОПАДАНЕЦ И ОДИН ШАНС ДЛЯ СТРАНЫ

Алексей Викторович Вязовский
Я – Распутин
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68253454

Я – Распутин: Издательство АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-151429-7

Аннотация

Самое начало двадцатого века. Царская Россия. Один попаданец и один шанс для страны избежать двух кровавых войн. Возможно ли спасти Родину? Вполне. Если ты новый фаворит царской семьи.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	82
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алексей Вязовский

Я – Распутин

© Алексей Вязовский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

В истории человечества есть загадочные личности, о которых мы окончательно ничего не узнаем до Страшного суда Божия. Иной раз необходимо отказаться и от исследования этих личностей – эти исследования заранее обречены на бесконечные и бесплодные словопрения. Но тем более должны отказаться от того, чтобы восхитить себе суд Божий о человеке.

Архимандрит Тихон о Распутине

Глава 1

– Эй, Распутин, ты с нами?

Со ступеней крыльца главного здания СПбГУ мне призывно махали рукой однокурсники. Распутин! Я чуть не выругался, криво улыбнулся двум студенткам, что хихикнули на мою кличку. Вот же подсуропили предки, при нашей фамилии Новинский нарекли Григорием. В школе все дразнили Бульваром, а продвинутые студенты-историки мгновенно прилепили кличку Распутин.

– Идите без меня, – я спустился вниз, закинул на плечо сумку с конспектами и ноутбуком.

– Распутин, да ты что! – меня за рукав схватил староста группы – Федя Быстров. Здоровяк, культурист, главный ма-чо курса. – Погуляем на природе, пожарим шашлычка. Рядом там экодеревня – всякие ламы да альпаки, я договорюсь насчет баньки! Девки размякнут, подобреют... Сечешь фишку?

Мы невольно обернулись на однокурсниц. Среди них были две королевы – длинноногая пышногрудая Варя Соколова и голубоглазая блондинка Вика Андреева. К последней я давно уже клинья подбивал, но в мою сторону она даже не смотрела.

– Все правильно понимаешь! – покивал Федя. – Она как раз с парнем рассталась, нальешь ей винца, посочувствуешь.

В баньке есть отдельные комнаты с кроватями.

— А что это ты такой добренький сегодня? — я пристально посмотрел на старосту. Раньше он меня не замечал, дружил с такими же мажорами. Тачки, дрифт на ночных улицах, поездки в Европу. Золотая молодежь. Даже удивительно, что родаки не отправили Федю куда-нибудь в Лондон учиться. Хотя теперь, когда в Кремле декларировали «национализацию элиты», богачи предпочитали учить детишек дома. МГУ, СПбГУ, МГИМО, Вышка...

— Ты мне — я тебе, — развел руками староста. — Так мир устроен.

Ясно, ему что-то от меня надо.

— Курсовая? — спросил я.

— Бери выше, — ухмыльнулся Федя, — диплом.

На пятом курсе нам надо было написать и защитить магистерский диплом. Не такое уж трудное дело, но староста не хотел напрягаться.

— Тема?

— Личность Григория Распутина и его влияние на царскую семью.

Он было заржал, но увидел мою реакцию и тут же прекратил:

— Не, серьезно, Распутин и царская семья, можешь у профессора Колганова узнать.

Однокурсники уже поглядывали в нетерпении на нас, а еще наверх — там набегали тучки, и переменчивая питерская

погода грозила порушить все планы с деревней и шашлыками.

– Ты же писал на третьем курсе курсовую по Гришке, – уточнил Федя. – Да и в архивах ты со всеми вась-вась.

– Тоже нашел дурака, – покачал я головой. – За одну прогулку в экодеревне идти к тебе в дипломное рабство?

– Так это же прогулка с Викулей. Банька, все дела, – Федя плотоядно оглядел девушку, которая стояла к нам спиной. Короткое платье подчеркивало все прелести фигуры. Которые, да... манили.

– Нет!

Я развернулся и пошел прочь. Поехать на природу с однокурсниками хотелось. Очень. Да и с Викой поближе пообщаться. Глядишь, и выгорит, несмотря на то что она постоянно крутила носом – то я недостаточно решителен, то не смог сделать дорогой подарок... Но ишачить на Федю... Благодарю покорно.

– Ну и дурак ты, Распутин, – обиженно произнес в спину староста. – Мы тебе в вотсап пришлем фотки, как нам хорошо. Жди...

Я только сильнее сжал зубы и прибавил шаг. Я не они. К мажорам не принадлежу, с золотой ложкой во рту не родился. Родители – обычные питерцы, отец – строитель, мать – травматолог в городской больнице. Жил я от стипендии до стипендии, подрабатывал в архивах. Родаки, конечно, что-то подкидывали, но явно не на загулы по экодеревням.

С двумя пересадками я доехал до Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, показал пропуск охраннику, поднялся на шестой этаж. Тут раньше был читальный зал, а теперь находился отдел первичной сортировки во главе с Антониной Николаевной Фельдман. Статная пожилая дама железной рукой руководила пятью сотрудниками и тремя стажерами. Одним из которых был я.

– Новинский, ты почему не в маске?

Фельдман выглянула из своего кабинета, погрозила мне пальцем. Я матернулся про себя, нацепил намордник. Достал из шкафчика белые перчатки и персональную чашку. Кофе и чай на работе пить разрешалось, но, разумеется, не за рабочими столами. ЦГА даже расщедрился на дешевую кофемашину.

На летучке Фельдман сообщила, что из томского архива поступила новая партия документов. Их нужно отсортировать и рубрицировать.

– Танцуй, Новинский! – начальница подвинула ко мне ветхую папку на тесемках. – Пришли опросные листы из архива Тобольской консистории.

Я потер руки. Жену Распутина допрашивали несколько раз по делу о хлыстовстве старца. Листы считались утерянными, но, кажется, томские коллеги накопили что-то новое. Это могло стать исторической сенсацией. А могло и не стать – по делу Распутина было столько фейков и фальшивок...

Стоп. Я в сомнении посмотрел на Фельдман. Зачем она

отдала папку стажеру? Начальница лишь понимающе усмехнулась. Значит, фальшивки.

Настроение упало, я вернулся в наш рабочий зал, включил настольную лампу, развязал папку. Приготовил фотоаппарат для фиксации всех листов, разложил документы – официальные с печатью Тобольской консистории, пояснительные записки царских чиновников. Но один, желтый, лист выделялся на общем фоне.

Его я и взял первым. Озаглавлен он был ни много ни мало «Завещание Григорія Распутина Новыхъ из села Покровское». Начиналось, как и все другие «завещания», с послания царю. «Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января уйду из жизни. Я хочу Русскому Народу, Папе, русской Маме, детям и русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на твоём троне» – в этом месте от листа пошел какой-то странный жар, мое зрение помутилось, дыхание участилось, и я почувствовал нарастающий стук сердца.

Я попытался встать, но не смог. Листок продолжал нагреваться, издавая странное свечение.

– Гриша, что с тобой? – это были последние слова, которые я услышал.

Сердце встало. Вспыхнул свет, ударил по глазам. И полная темнота. И тут же снова свет.

Мое тело дергалось на полу, легкие с трудом втягивали воздух. Рядом суетились люди.

– У него припадок!

– Держите голову, господа!

– Ольга Владимировна, надо послать за доктором.

– Не надо, сейчас пройдет.

Слова женщины оказались верными – спазмы перестали бить тело, я смог вдохнуть полной грудью. Несколько рук меня подняли, понесли куда-то.

– Осторожнее, Ивашка, ступеньки.

– Не первый раз, ваш-дит-ство, – пробасил кто-то, приподнимая меня. – Понимаем-с.

Переноска завершилась благополучно, меня опустили во что-то мягкое.

– Господа, оставьте нас. Страннику нужен покой.

Послышались шаги, хлопнула дверь. Мне ко лбу приложили мокрое полотенце, обтерли лицо. Я чуть не застонал от удовольствия – так это было приятно, и открыл глаза.

Я лежал в кровати в большой светлой комнате. Рядом сидела брюнетка с породистым лицом и сложной, высокой прической. Одета она было в глухое платье «под старину».

– Очнулись, Григорий Ефимович? – женщина нежно провела ладонью по моему лицу.

Почему Ефимович? Я же Петрович... Рука брюнетки дошла до бороды, спустилась на грудь. Бороды?!

Я чуть не закричал, резко сел в кровати. Голова закружи-

лась, меня качнуло. Женщина забеспокоилась:

– Дорогой мой, не надо волноваться, будьте любезны, ложитесь обратно... – Под нажимом ее ладоней я вновь опустился в кровать, глубоко вздохнул. Тело слушалось плохо, я был словно космонавт в необмятом скафандре.

– Сейчас скажу повару, чтобы согрел вам куриный бульон, вам всегда помогает после припадков.

Брюнетка, шурша юбками, вышла из комнаты, а я с трудом спустил ноги на пол и оглядел комнату в поисках зеркала. Нашелся только таз с водой на табуретке, и в нем отразилось... обветренное морщинистое лицо с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами, длинной черной бородой и глубоко сидящими глазами. Длинные волосы были разделены пробором надвое. Пробор, которого я никогда не делал... Да что со мной? Я поднял руку потрогать пробор и нащупал справа большую шишку. Почему-то открыл рот, посмотрел на ровные белые зубы. Ощупал себя руками.

Тело не мое. Руки не мои. Я не я.

А кто?

Женщина сказала «Григорий Ефимович».

И тут меня подбросило. Я что, в теле Распутина?!

Я рухнул на кровать, завывая от ужаса, и снова провалился в темноту.

В себя я пришел только ночью. Открыл глаза – комната на месте. Закрыв глаза.

Если я потерял сознание в архиве и до сих пор не пришел

в себя? И все вокруг – галлюцинация? Тогда надо спать и надеяться на врачей. А если нет?

На стенке рядом с подушкой зашуршало, я снова открыл глаза и увидел таракана. Это было так реально и так неожиданно, что я шарахнулся.

– Очнулись, Григорий Ефимович?

Оказывается, я в комнате был не один, рядом проснулась сиделка. В полумраке ее не разглядеть, лампадка у икон дает слишком мало света... Лампадка! Я застонал и снова потерял сознание.

Вроде бы ненадолго – все еще ночь. Или это следующая? Глюк никуда не делся, стоило мне пошевелиться, как сиделка завожилась и открыла глаза; пришлось мне замереть и изобразить спящего.

Распутин! Юродивый сибирский крестьянин, целитель, друг царской семьи. Был застрелен в декабре 1916 года в доме князя Юсупова.

С большим трудом я не поддался истерике. Глюк, глюк, конечно же глюк... Но внутренний голос мерзенько подначивал: ага, конечно, головой ты не ударялся, в роду подобных болезней не было, не колосся, не нюхал...

Нюхал!!! А что если Федя подсыпал мне клофелину, или что там подсыпают? Ну да, мы поехали на шашлыки, вот там и... «А почему ты тогда не помнишь поездку? – осведомился внутренний голос. – Память отшибло?» Ну да, как там мама это называла – ретроградная амнезия.

А если не глюк, если я действительно Распутин? Тогда мне конец. Я же ничего тут не знаю, не умею... даже эти чертовы портянки сам вряд ли намотаю. Я хоть и служил год в армии, но у нас уже были берцы с носками. Господи, о чем я думаю...

Господи!!! Да меня только за незнание молитв сожрут с потрохами, Гришку в хлыстовстве обвиняли, духовная консистория – эдакие православные инквизиторы – расследовала. И он чудом проскочил мимо монастырской тюрьмы, а там как бы не хуже, чем на царской каторге. Я напрягся, вспомнил «Отче наш», «Богородице Дево, радуйся». Проговорил про себя Символ Веры. Нет, кое-что я из православного НЗ вполне знал. Но сильно ли мне это поможет?

Сдаваться властям? Рассказать правду? Так туда же, в монастырскую тюрьму и упекут, как свихнувшегося на религиозной почве. Сиди себе на цепи да жри хлеб с водой. Ладно, хватит паниковать, делать-то что? Если это глюк, то ничего, ждать помощи извне. А если... нет?

А если нет, то надо быть Распутиным – наглым, самоуверенным, властным, иначе сожрут и косточек не оставят. Я как-то раз уже был им – несколько лет назад, к столетию Февральской революции, на истфаке сделали драматический проект «Гибель империи», и меня под общий хохот определили на роль Гришки... Вот оттуда и пошел мой интерес, тогда я впервые зарылся в документы, а худрук театрального кружка ставил мне жесты и повадку, ну, как он сам это по-

нимал, все же лучше, чем ничего.

Хорошо, тогда надо определиться, где я. Как там эту тетку называли, Ольга Владимировна? А мужика – ваш-дит-ство? А, это ваше превосходительство, значит, он в генеральском чине. Так, кто из поклонниц Распутина носил такое имя? Головина – нет, Вырубова – нет, Лохтина – да! Именно Ольга Владимировна! И она замужем за действительным статским советником, инженером Лохтиным, смотрителем дорог в Царском Селе. А действительный статский – как раз генеральский чин.

Распутин вылечил Лохтину от какого-то кишечного заболевания – и с тех пор она стала его большой поклонницей. Судя по нежным поглаживаниям, даже больше чем поклонницей. Если я в доме Лохтиных, то на дворе 1905-й или 1906 год. Русско-японская война уже закончилась, расстреляно в Москве Декабрьское восстание. Революция еще протянет годик, потом семь лет покоя, война и вторая Смута с Гражданской...

Мои мысли перескочили на семью. Мою, не Распутина. Если в том, моем времени я умер и сюда переместилось только сознание – родители же с ума сойдут. Я единственный ребенок – ни братьев, ни сестер. Но если сознание просто раздвоилось? И в Распутина угодила моя копия? Я прислушался к себе. Никакого отклика настоящего старца в голове не ощущалось.

Меня снова захлестнуло ужасом, и я чуть не заорал.

Столько лет изучать Распутина и угодить в тело старца. Хотя какой он старец. Распутину... то есть считаем, что мне, тридцать шесть лет – самый расцвет сил. В селе Покровское, что рядом с Тюменью, его ждут жена и трое детей.

Два дня я валялся в кровати, слушал разговоры и выгонял хозяйку и прислугу при любом неприятном вопросе. И молчал, молчал, читал газеты – я потребовал принести все доступные. Да, слишком подробный глюк, до мелочей, не надо так долго копаться в архивах. Октябрь шестого года...

«Из Загреба получено сенсационное известие, что партия старочехов внесла вчера в городской совет предложение просить монарха при его посещении Боснии присоединить Боснию и Герцеговину к Кроации и вместе с Далмацией и Славонией восстановить старинное хорватское королевство под скипетром Габсбургов».

«"Союз русского народа" проявляет в настоящее время небывалую по энергии деятельность. Неизвестно откуда появились крупные средства, и союз стал по всей России рассылать огромные тюки черносотенных листов, призывающих к немедленному избиению жидов и крамольников».

«В ночь полиция конфисковала в помещении редакции журнала "Русское Свободное Слово" вышедший на днях 3-й том сочинений графа Л. Н. Толстого, в котором помещены следующие статьи: "Так что же нам делать?", "Исповедь", "К политическим деятелям", "Восстановление ада", "Стыдно" и "Требование любви". Все эти статьи, напечатанные в других

изданиях, до сих пор конфискованы не были».

Проснувшись на третий день, я наконец встал, пошатнулся, но все-таки подошел к окну. На улице белел снег. Серое питерское небо не позволяло точно определить время дня. Конец октября. «Мой» первый визит в Царское Село уже был. Распутин привез Николаю икону святого Симеона Верхотурского, видел его детей и царицу. Молился о здоровье царевича Алексея. Значит, обратной дороги теперь точно нет. И мне остается только быть Распутиным.

«Покуда я жив, будет жить и династия!» – Я пафосно вытянул дрожащую руку, перекрестил окно. Вышло неплохо. Да, вот так и будем.

Я обошел комнату, прислонился к теплой изразцовой печке. Оглядел весьма аскетичную обстановку – кровать, стул, стол, табурет с тазом. На крючке висели коричневый армяк и картуз, у входа стояли стоптанные сапоги.

Заглянул под кровать, обнаружил тут плетеный короб. Да, пора бы посмотреть, чем богат, а то все газеты да бульончик. Внутри, завернутая в чистую тряпочку, нашлась паспортная книжка. На крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, с перечислением основных примет, годом и местом рождения. Там же, в тряпочке, лежало пятьдесят рублей десятью синими пятерками и перевязанная веревкой пачка писем.

В кожаном кошельке на завязках позвякивала медная мелочь, а также неказистый серебряный перстенок с православ-

ным крестом. Я поворошил чистое исподнее, нашел кусок мыла и щетку с коробкой зубного порошка, потертый Молитвослов. Вот и все богатство. Да... негусто.

– Отче, что же вы встали? – дверь открылась, вошла Лохтина. Позади нее толпились какие-то господа в пиджаках. На лицах было написано искреннее любопытство.

– После смерти отлежусь, – буркнул я, опуская взгляд. Ноги босые, но я хотя бы одет. Серые полотняные штаны, холщовая рубашка.

– Пророчество, сейчас будет пророчество, – слышалось возбужденное перешептывание публики.

Кажется, Распутин часто выдавал прорицания после своих приступов. А мне что выдать?

Я взял под руку зардевшуюся Лохтину, потянул ее к печке. Тихо спросил:

– Что, из дворца есть известия?

– Пока нет, ждем курьера. Вы же помните, отче, о своем обещании?

Черт, еще какое-то обещание всплыло! Я поморщился, вздохнул. Повисла пауза.

– Нет, никак нельзя нарушить слово, данное помазаннику Божьему!

Народ опять зашушукался. Я что-то пообещал Николаю за номером два, но что?

– Слово Распутина – крепче стали. Раз сказал, значит сделаю. Ольга Владимировна, голубушка, – я понизил голос, –

после приступа в голове полный туман. Сегодня портянку хотел навернуть – так не вышло!

Лохтина удивленно на меня посмотрела. То ли поразилась голубушке, то ли туману.

– Я пришлю Авдея, он поможет, – она помолчала и так же тихо спросила: – Отче, а были вам какие новые видения?

– Были! – громко ответил я, поворачиваясь к гостям. – Бог ниспослал мне доброе видение. В следующем месяце будет долгожданное облегчение крестьянам. Разрешат выходить из общины, выделяют землю.

Народ пооткрывал рты.

– Об том уже давно разговоры ведутся, – вперед вылез худой мужик в визитке и с котелком в руках. – Какое же это откровение?

– Ты чьих будешь? – рявкнул я, входя в образ.

– Ваш тезка. Григорий Бессмертных. Из газеты «Копейка». Прослышал-с про ваши таланты, вот, явился к Ольге Владимировне, так сказать, лично убедиться...

– Тогда слушай меня, копейка! – я высморкался в штору, вытер об нее руки.

Гости жадно смотрели на это представление, ну прямо как тогда на истфаке, тогда тоже больше ржали над такими фортелями, чем слушали.

– Точно тебе говорю. Крестьянам вскоре разрешат выходить из общины. Указ на сей счет будет. От самого Столыпина.

Журналист вытащил из внутреннего кармана блокнот и карандаш, быстро что-то в него записал.

– Да... об этом вы узнать никак не могли, – покивал головой Бессмертных. – И как крестьянство воспримет сие?

– Общиной – сильна земля русская, – я вздохнул. – Многие дела в селе только миром порешать можно. Трудно будет единоличнику. Да и мироедов опять прибавится.

– Значит, плохо вы, Григорий Ефимович, оцениваете реформу?

– Где уж моим умишком угнаться за министрами, – осклабился я. – Но раз уж выкупные платежи отменили, надо дальше идти, дать землицу-то крестьянину.

Журналист покивал, еще что-то записал. А я вперил свой взгляд в Лохтину. Та задышала, начала терзать кружевной платочек. Надо поднять «градус».

– Бог все видит! – продолжал я, повышая голос. – Воздастся мироедам по грехам ихним! Ждите! Идет, идет конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следует за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными.

Что там дальше было у Иоанна Богослова, я не помнил, поэтому уселся на кровать, мотнул головой:

– Подите все прочь, нет моих сил больше.

Народ, перешептываясь, подался в коридор, Лохтина захлопнула дверь, упала передо мной на колени:

– Отче, как же жить дальше? Научи!

Я бы тоже хотел знать ответ на этот вопрос. Распутин пока не успел нажить серьезных врагов, но совсем скоро против него ополчатся все – православная церковь, двор, чиновники, интеллигенция. Аристократы так вообще составят заговор и решат убить старца. Во главе встанут князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, племянник Николая. А еще руку к убийству приложит офицер британской разведки Освальд Рейнер.

Я прямо чувствовал, как пули черносотенца Пуришкевича входят в мою спину. Передернуло. Может, ну его, уехать обратно в Тюмень и жить простой крестьянской жизнью? Чушь. Пахать я не умею, деревенских навыков нет, жена Распутина меня мигом раскусит. И настучит в консисторию, а там и так дело о хлыстовстве на мази. И в концовке – та же монастырская тюрьма.

Нет. Все мои плюсы – они лишь в знании будущего. А оно печально. Что для России, что для Распутина. Только вперед, только буром, не сомневаться, давить уверенностью.

Я тяжело вздохнул.

– Молись, Оля, Богу. Вот и вся учеба.

* * *

Обедали скромно. Суп, бифштекс с картошкой, пироги, квас, настойки. За столом было четверо. Гость – доктор Калмейер, массивный мужчина с пышными бакенбардами. Са-

ма хозяйка дома и ее муж – пожилой чиновник с бородкой клинышком а-ля Калинин. Правильно я вычислил – его превосходительство господин действительный статский советник Владимир Михайлович Лохтин, гражданский генерал. А Ольга Владимировна, получается, у нас генеральша.

Сначала обсудили мое пророчество. Но так, вскользь, тема общины публику не волновала. Потом беседа перескочила на странную смерть бывшего генерал-губернатора Петербурга Трепова. Того самого, который в прошлом году объявил бунтующей столице, что армия «холостых залпов давать не будет» и патронов тоже не пожалеет. Беспорядков и уличных боев, в отличие от Москвы, действительно, не случилось – метод угроз подействовал.

Затем разговор перешел на состояние детей Столыпина. После недавнего взрыва на Аптекарском острове пострадали сын и дочь премьера. Если первый отделался ушибами, то Наталья стала инвалидом. Ей даже сначала хотели ампутировать обе ноги, но в итоге врачи спасли конечности.

– Ходить не сможет, – констатировал со вздохом Калмейер, который оказался лечащим врачом Натальи.

– Это почему же? – встрял я.

– Сложные, смещенные переломы с осколками, – коротко ответил доктор, не глядя на меня.

По его лицу было видно, что он не одобрял увлечение Ольги Владимировны оккультными личностями.

– Молитва отца Григория исцеляет не только душу, но и

тело, – Лохтина отпила вина из бокала, посмотрела на меня влюбленными глазами.

Я поежился. Рядом сидит муж с ножом в руках, пилит бифштекс. Надо уезжать из этого дома. И поскорее.

– Тут обедней не поможешь, – покачал головой доктор. – Осколки молитвой правильно не сложатся. Девушка будет расти, а кости...

Калмейер махнул рукой, снял заложенную за воротник салфетку. Бросил ее на стол.

– Божья молитва может все, – уверенно произнес я, поворачиваясь к Лохтиной. – Лист бумаги нужен да карандаш.

Все с любопытством уставились на меня.

– Позвольте узнать, зачем? – поинтересовался Владимир Михайлович, тоже снимая салфетку.

– Займемся инженерным делом.

– Вот как? – Лохтин смотрел на меня с изумлением. – Какие науки вы изучали, в каких университетах?

Похоже, надвигается сеанс публичной порки.

– Владимир, я прошу тебя! – попыталась сгладить хозяйка дома, позвонила в звонок.

Горничная принесла мне лист бумаги, карандаш. Я отставил тарелку прочь, сложил руки.

– Господи, прости нас грешных... – дальше я молился молча, попутно вспоминая аппарат Илизарова. Мать, хирург, не раз меня брала к себе в отделение. Насмотрелся.

Закончив молитву, я под удивленными взглядами присут-

ствующих нарисовал кольца, спицы, винты. В принципе аппарат очень простой, ничего сложного в нем не было.

– Вот это, значаца, спицы, – я ткнул карандашом в лист. – Они вводятся в кость дрелью выше и ниже перелома. Найдется у вас тонкое сверло?

Калмейер открыл рот, закрыл.

– Ну ежели не найдете, вон, инженеров попросите, – я кивнул на обалдевшего Лохтина, – они сделают.

– И что же дальше? – заинтересовался доктор.

– Спицы вводятся крест-накрест. После чего крепятся к кольцам. Закручивая или откручивая винты на кольцах можно смещать осколки да складывать их по-нужному. Сложили да оставили сращиваться.

За столом повисло молчание. Доктор и статский советник осмысливали мою речь, Лохтина смотрела влюбленным взглядом.

– И где вы такое видели, позволю себе спросить?

– Само в голову пришло. Но попробовать надо. Сдается, что так можно кость сжимать или растягивать. Медленно. Месяцев за несколько нарастить кость. Или уплотнить.

– Спицы занесут заразу, – сообразил Калмейер.

– А ентот ваш, как его, нож, которым режете, не заносит?

– Его стерилизуют! На пару или спиртом!

– Вот и протрите спицы спиртом, – пожал плечами я.

– А что, Артур Борисович, – очнулся Лохтин, – это как стальными тяжами ветхое строение подкрепляют. Может

сработать, берусь сделать прототип в наших мастерских.

— Неужели это... — доктор взял лист в руки, — было дадено вам... э-э... в откровении свыше?!

— Ну не снизу же, — я поковырялся в зубах, чувствуя себя Шариковым за столом у Филиппа Филипповича Преображенского.

«Желаю, чтобы все!» Водки, что ли, выпить? На душе стало тоскливо, я опять вспомнил родителей, свою прежнюю жизнь. До изобретения пенициллина еще тридцать с лишним лет, можно легко загнуться от любой заразы. Впереди две мировые бойни, тоже то еще приключение, не говоря уж о революции и гражданской войне. Предопределена ли история, или ее можно изменить? Вот главный вопрос, на который мне предстоит ответить.

* * *

После обеда дом всполошился — звонили из Царского Села.

— Григорий Ефимович, вам телефонируют! — ко мне в комнату ворвалась Лохтина.

А я только собрался разобраться с письмами Распутина... Пришлось идти к специальной подставке в гостиной, крутить ручку.

— Слушаю! — я вслушался в хрип и скрип в трубке. Слышимость оставляла желать лучшего.

– Это Танеев у аппарата. Начальник собственной его императорского величества канцелярии, – официальным голосом на том конце провода произнес мужской голос. – Господин Распутин?

– Да, слушаю.

– Ваш завтрашний визит в Зимний дворец одобрен. Петр Аркадьевич будет ждать вас в полдень.

– Благодарю, – на автомате ответил я и спохватился. – Ало, ало!

Но в Царском Селе уже повесили трубку.

– Отче, что вам сообщили?

В дверях гостиной меня караулила Лохтина.

– Завтра меня в полдень ждет Столыпин.

– Так это же замечательно! – Ольга Владимировна всплеснула руками. – Разве не этого вы хотели?

– Я хотел?!

Распутин. Распутин да, хотел. Первый его визит в Царское Село произвел на Николая с семьей такое впечатление, что он попросил старца заглянуть и к Столыпину, помолиться над его больной дочкой. Вот, значит, что мне завтра предстоит!

Глава 2

19 октября 1906 года, 12:30

Санкт-Петербург

– А я думал, ты, Гришка, обычный мошенник! – Столыпин вперил в меня свой грозный взгляд, но я его проигнорировал. Перекрестился на красный угол, без спросу уселся за массивный стол. У нас у самих грозный взгляд. Да и настроение, если честно, не очень.

С утра «генерал» уехал на службу, а я отстоял заутреню в соседней церкви, вернулся в дом Лохтиных и задумался над тем, что мне делать. Войти в царскую семью не так уж и сложно. Экзальтированная императрица хочет чуда. И она его получит, Алексею станет лучше. Николай – подкаблучник, сделает все, что хочет жена. Да и сам не чужд религиозному мистицизму. Но тут такая ситуация, что вход рубль – выход два.

Вокруг трона – огромная свора аристократических псов, каждый из которых в гробу видел крестьянина из Сибири, пусть он трижды праведник. Коим Распутин, конечно, не был. Съедят и не подавятся! И первым меня начнет есть вовсе не Столыпин, который никак не отойдет от взрыва на Аптекарском острове, а дядя царя – великий князь Николай Николаевич. Именно его жена Стана познакомила Распутина с императорской семьей, но она же вместе с сестрой Мили-

цей будут первыми против меня, когда я буду захаживать в Царское Село мимо «черногорок». Так в столице зовут этих двух княжон.

Пока я размышлял над этой дилеммой, в комнату проскользнула Ольга. К моему удивлению, она заперла дверь на ключ, принялась стаскивать уже расшнурованное синее платье.

– Что же ты лежишь?! Помоги!

– Ольга Владимировна! Уместно ли сие?

– Я вся горю, мочи нет. Да помоги же!

Пришлось помогать. Сначала снимать платье, потом сорочку и чулки. А дальше Лохтина управилась сама – села сверху, начала покачиваясь двигаться.

– Это божественно! Еще, еще...

Ее стоны могли переполошить весь дом. О чем я и сказал, придерживая женщину за крупные ягодицы.

– Всех слуг отослала с поручениями, ну же! Не останавливайся.

Остановиться пришлось совсем скоро. В дверь дома требовательно постучали. Я скинул с себя Лохтину, бросился вниз. Пригладив волосы, перевел дыхание. Как хорошо, что в постели я даже не потрудился снять штаны. Открыл дверь, вопросительно посмотрел на лакея в ливрее. Позади него стоял роскошный Fiat Brevetti, вокруг которого клубилась ребятня. Кряжистый водитель в крагах отгонял пацанву, одновременно протирая фары.

– Господин Распутин? – осведомился лакей, удивленно меня разглядывая.

– Он самый. Чего надо?

– Экипаж подан, извольте пожаловать.

Черт, как не хватает часов! Куплю их первым делом! Я зашел обратно в дом, не прощаясь с Лохтиной, быстро оделся.

Доехали мы быстро – через час я уже вышагивал вслед за лакеем по анфиладам Зимнего дворца. Именно сюда определил Николай Столыпина с семьей после покушения. У каждого входа стояли гвардейцы с винтовками, во дворце ощущалась атмосфера нервозности.

Спешащие чиновники с удивлением поглядывали на мой наряд, но никто даже не притормаживал – в Зимнем ощущалось биение настоящего пульса империи.

* * *

– Поклепа много... – пожал я равнодушно плечами, оглядываясь. – Чайку бы испить, замерз.

Столыпин покачал головой в удивлении, позвонил в звонок. Лакей быстро сервировал на столе для совещаний чай для двоих.

– Вот, посмотри, какая на тебя папка в Охранном... – Столыпин полистал мое дело. – Разврат с женщинами в бане, воровство, конокрадство...

Глупо было полагать, что Распутина пустят к царю, не изу-

чив его подноготную.

– Завистники доносы пишут. – я отхлебнул чая, хрустнул баранкой. – Пушай пишут. Бумага все стерпит.

– Не крал, значит? – премьер усмехнулся, уселся рядом. Взял чашку, подул на чай.

– Ежели бы крал – уже на каторге был бы.

Столыпин задумался.

– О вашей договоренности с архимандритом Феофаном я знаю, полностью поддерживаю план.

Тут я насторожился. Помимо Милицы, Феофан был вторым человеком, который помог Распутину попасть в царскую семью.

– Сделаю, что смогу... – я допил чай, отставил чашку. – Благодарствуйте. Когда можно будет помолиться над болящей?

– Я еще не закончил с тобой. – Столыпин забарабанил пальцами по столу. – Скажи-ка, друг любезный, а это что такое?

Передо мной легла газета «Копейка». Номер за 19 октября. В нем рассказывалось о новом старце в Петербурге, которому приходят разные видения. В статье журналист описывал пророчество о земле, что дал Распутин в связи с будущим указом о выходе из общин.

– Говори, кто из моих проговорился об указе?! – Столыпин выхватил газету, потрянул ей перед носом.

– Петр Аркадьевич, не веришь ты в Бога. – Я покачал го-

ловой.

– Богу верю, а тебе нет! Мы проект указа в тайне держали, кто проговорился? Царь?

– Указ не в тайне надо бы держать, а со всем обществом обсудить да обкашлять. А еще бы в Думе утвердить.

– Дума распущена! – прихлопнул рукой премьер.

– Так новую соберите! – я тоже повысил голос. – Все меж собой хотите решать, а потом удивляетесь, что же народ-то бунтует?

Столыпин зло на меня посмотрел, но сдержался. Пересел за рабочий стол.

– Доктор Калмейер телефонировал мне. Говорит, что аппарат какой-то тебе привиделся. Коим дочери он сможет ноги выправить.

– Истинно так... – покивал я. – А тако ж святая молитва Богу.

– Ладно, тебя проводят к Наталье. Но смотри, Гришка! За тобой будут самым тщательным образом наблюдать.

– Ну хоть чаем напоили, и за то благодарствуйте. – Я встал, поклонился в пояс.

– Шут!

Из кабинета Столыпина я вышел разочарованный. Да, властный, деловой, полезный стране. Но какой-то... слишком командир, что ли? Шашкой махать, впереди на лихом коне – это его, а все проекты составляли Крыжановский да Ромейко-Гурко, своего рода «мозговой центр» премьера.

Да и как составляли, с помещичьей точки зрения, дескать, сейчас как облагодетельствуем Россию, а что там крестьяне думают, в расчет не брали. Так что получилось серединка на половинку – и вроде результат есть, да какой-то сомнительный. Вон, в Сибирь сколько народу переселили, миллионы, да пятьсот тысяч вернулось – голые, босые, многие семьи потеряли, вот оно и полыхнуло в семнадцатом. Или затеяли выделение крестьян на отруба, вроде как фермеров создать – а землемеров в стране кот наплакал, растянули процесс на годы и так и не завершили. Или вбухали в обеспечение реформы казенные, удельные и кабинетские земли, но на невыгодных для крестьян условиях.

А главное, реформа не поколебала глубинное ощущение народа, еще с освобождения 1861 года, что «помещики истинную волю утаили», и твердое убеждение, что аристократы владеют землей не по правде.

Я вздохнул, погладил рукой по бедру скульптуру «Спящая Ариадна» работы Паоло Трискорни. Через сто лет будет стоять в Эрмитаже и радовать народ.

Про какой же план с Феофаном все-таки говорил Столыпин? Я резко остановился в коридоре, задумался. Со стен на меня смотрели портреты царей, цариц, каких-то князей и полководцев. Грозно так смотрели.

Чиновник, что сопровождал меня, тоже притормозил, откашлялся:

– Что же, Григорий Ефимович? Наталья Петровна ждет-

с! С самого утра.

– Погодь... – что-то в голове щелкнуло.

Ага, вот о чем говорил Столыпин. Феофан и другие православные иерархи крайне недовольны царем, а особенно царицей – таскают во дворец всяких религиозных проходимцев. Причем большей частью иноверцев.

Сначала был астролог Демчинский, потом французский оккультист Филипп Низье, наконец, ученик Филиппа, известный как Папиус. Последний так и вовсе не стеснялся – проводил массовые спиритические сеансы для аристократии, вызывал дух Александра III и давал советы, как выражался булгаковский доктор Преображенский, «космического масштаба и космической же глупости».

Феофан, тут надо отдать ему должное, придумал ход конем. Раз уж царская семья так падка на все эзотерическое – давайте подсунем им нашего, исконно-посконного православного старца, схимника. Судя по тому, что в столице Распутин объявился с рекомендательным письмом от казанских священников, кастинг был объявлен по всей России.

* * *

Наталья оказалась измученной, бледной девушкой лет пятнадцати-шестнадцати в сорочке, укрытая одеялом. В палате витал тяжелый дух лекарств, дежурила пожилая сиделка.

– Ой, пророк пришел! – девушка натянула одеяло выше, открыв ноги в лубках.

– Я не пророк, красавица... – кивнул сиделке, сел рядом на стул. На прикроватном столике стояло множество склянок, среди которых я отметил детские капли с кокаином. Нормально так лечат ребенка! Или кокс тут в качестве болеутоляющего?

– Кто же?

– Странник. А звать меня Григорий Ефимович Распутин.

– Распутин – это от распутный человек? – поинтересовалась дочь Столыпина.

Ничего так, живая, любопытная.

Сиделка осуждающе покачала головой.

– Нет, милая. Распута – это перекресток, пересечка дорог. На нем стоит мое село Покровское.

– В Сибири?

– Там, красавица. В Тобольской губернии.

Сиделка тихо ушла, но в комнате тут же появилась статная дама, с такой увядшей русской красотой и припухшими от слез глазами.

Я поднялся, поклонился. Она представилась официально – Ольга Борисовна Столыпина.

– Мамочка, отец Григорий пришел! – Наташа пошевелилась в кровати, но тут же сморщилась и чуть не заплакала.

– Не отец он, доченька, и не пророк – простой сибирский мужик, даже не рукоположен.

Я лишь пристально смотрел в глаза жены премьера. Промолчал.

– Не надо меня мессимизировать, господин Распутин. Я во все эти сказки не верю!

– Не веришь и не надо... – я пожал плечами, принялся, прошелся вдоль левой от входа стены. Женщины смотрели на меня в удивлении.

– Тяжкий тут дух-то... Поди недалече спальня Катьки Мужеубийцы.

– Ой, и правда... – Наталья посмотрела на меня в удивлении. – Сиделка говорила, что за соседней стеной Екатерина Великая умерла. А почему мужеубийцы?

– Поди вам в гимназиях не рассказывали?

Столыпина нахмурилась, произнесла, цедя слова:

– Не надо пугать девочку! Делайте то, ради чего посланы, и убирайтесь!

– Мамочка, ну пусть Григорий Ефимович расскажет!

– У Екатерины муж был, Петр Третий... – я посмотрел на Столыпину. Заткнет или нет?

Жена премьера лишь сжала губы.

– Знаю, – кивнула Наталья. – Внук Петра Первого.

– Ему сосватали невесту. Из немецких принцесс. Будущую Екатерину Вторую. Но семейная жизнь у них не задалась... – я замялся, не зная, как продолжить про любовников Фике. Посмотрел на Столыпину. Та лишь незаметно покачала головой.

– И она убила своего мужа?? – не выдержала Наталья.

– Не сама конечно же, подручные у нее были.

Прошелся еще раз по комнате, встряхнул руками.

– Тяжкий дух, тяжкий... – я покачал головой. – Но святая молитва всегда помогает. Почистим сейчас ваше обиталище.

Я встал на колени перед кроватью Натальи, начал «Отче наш». Молился громко, медленно.

Столыпина быстро потеряла терпение, вышла из комнаты. А Наташа на последних словах даже присоединилась ко мне, перекрестилась.

– Исповедуешься ли, чадо? – спросил я.

– Исповедуюсь и причащаюсь, – кивнула дочка Столыпина.

– Тверда ли твоя вера?

– Тверда, отче!

– Тогда и пугаться нечего. Поправишься ты. И ходить будешь. Веришь ли моему слову?

– Верю, Григорий Ефимович!

* * *

Вот в этом вся российская власть. Нужен был – подали к крыльцу ландо, привезли. Нужда отпала? Иди домой пешком.

А мы не гордые... Я вышел из Зимнего, вдохнул морской

воздух полной грудью. Рядом Нева несла свои свинцовые воды, дул холодный ветер. Но октябрьское солнышко постепенно нагревало город и уже успело расплавить снег. Дворники сгребали конские яблоки, по брусчатке мимо проехала богатая карета, запряженная четверкой лошадей.

Ко мне подошел усатый городской с шашкой-селедкой на боку, строго спросил:

– Почто колобродишь у дворца? Кто таков?

– Тобольский крестьянин, Распутин. Вызывали к Столыпину.

– К самому первому министру? – поразился городской.

– К нему.

– И зачем же ты ему нужен?

– То дело секретное, касаясь его детей.

Городской снял фуражку, в сомнении почесал затылок.

– Ладно, иди.

И я пошел по Невскому. Он практически не изменился за сто лет – все так же по нему фланировала разодетая публика, сияли начищенные витрины магазинов и ресторанов. По проспекту шла самая настоящая конка, и я не удержался – проехал пару остановок. Это было... необычно!

У дома Гейденрейха я вышел, заглянул на почту. Дал две телеграммы в Покровское. В одной коротко сообщал жене, что со мной все в порядке, я молюсь за нее и детей, высылаю переводом денег. Во второй, адресованной шурину Николаю Распопову, спрашивал не хочет ли он, вместе с моим

покровским сомолитвенником Ильей Ароновым приехать в столицу. Имена односельчан я узнал из писем – судя по дружескому тону в переписке, это были люди, на которых можно положиться. А мне такие в Питере ой как нужны!

Пятьдесят рублей разделил так. Двадцать послал жене, тридцать Распопову на дорогу. Третьим классом как-нибудь доедут. Обратным адресом указал собственный дом Лохтиных.

Я точно собрался из него съезжать – от увядших прелестей Ольги надо бежать, но куда?

Остро стоял вопрос с деньгами. В кармане звенела мелочь, все свои капиталы я выслал в Покровское. Срочно нужен был источник пополнения финансов. Царь? Деньгами в семье заведовали скупая Алекс и министр царского двора. С этих поди получи хоть что-то.

Можно было бы взять патенты на разные изобретения, которые появятся в будущем. Но когда от них пойдет отдача? А деньги нужны прямо сейчас.

В мрачном расположении духа я вернулся к дому Лохтиных и обнаружил перед ним толпу народа.

Народ гудел, переругивался. Многие щелкали семечками, сплевывая на мостовую. Я увидел пару журналистов с камерами на треногах.

Была чистая публика – стояла даже чья-то коляска-двуколка. Но в основном клубился простой люд – крестьяне, мастеровые.

Я встал за углом, прислушался. Одна женщина в платке рассказывала соседке:

– ...ожег меня своими глазищами, я вся замерла аж... А внутри так тепло стало...

Другой старичок на клюке интересовался:

– Как же старец-то излечивает? Силой молитвы, али какие заклинания знает?

Ему отвечали:

– Да православный он. Заклинания-то читать грех большой!

Ясно. Мне предстоит целое представление.

Быстрым шагом я вышел из-за угла и сразу стал крестить народ:

– Господи помилуй! Поздорову ли, православные?

– Григорий, он!

– Распутин, Распутин!

Толпа подобралась, стала напирать. Ослепляюще щелкнули вспышки магния в фотоаппаратах.

– Почто стоите тут, кого ждете? – я взобрался на крыльцо, скинул армяк на перила. А прохладненько так! Солнышко зашло за тучки – переменчивая питерская погода показала свой обычный норов.

– Благослови нас, отец родной!

– Помоги деньгой!

– Исцели, исцели!

Просьба о лечении было больше всего.

– Не я врачую, лишь Бог. Через молитву святую! Ежели и правда хотите оздоровиться, помните! Исцеления телесного без духовного не бывает! Молитесь, причащайтесь да исповедуйтесь. И не грешите.

– Благослови нас, святой человек!

Толпа еще что-то кричала, но я затянул «Царь Небесный» – третью из тех молитв, которые знал более-менее:

– Царь Небесный, Утешитель, Дух истины, везде сущий и всё наполняющий...

Народ дружно подхватил.

Молились мы в унисон, и на последних словах выглянуло солнце. Луч света появился сначала на крыше дома, спустился на крыльцо и, наконец, попал в толпу. Никаким чудом это, разумеется, не было, но люди решили иначе.

– Свят, свят! – раздались возгласы.

Я перекрестил всех, зашел в дом. Можно сказать, даже сбежал.

Внутри уже ждала бледная Лохтина. Пока меня не был, Ольга переделалась в темное платье, накрылась платком. Женщина схватила мою ладонь, стала целовать.

– Ольга Владимировна! – я попытался отнять руку, но какое там...

– Прости, отче! – шептала она. – Согрешила я утром, не удержалась! Бес в меня вселился. Грех это – святого соблазнять!

– Я не святой! – почти выкрикнул я.

В прихожую заглянул широкоплечий бородатый мужик в хорошем шерстяном костюме. Его глаза навывкате смотрели на нас с испугом.

– Слышу шум, а драки нет, – пробасил гость, потирая рваный шрам на щеке.

– Кто ты? – невежливо ответил я, наконец выдергивая руку у Лохтиной.

– Это сосед наш, по даче. Капитан Стольников... – представила мне мужика хозяйка. – Дело у него до вас, Григорий Ефимович. Важное...

– Не до дел мне сейчас. – Общения с толпой хватило с лихвой. Хотелось покоя.

– Не откажи, отче! – губы капитана задрожали. – Умираю я!

Я оглядел здоровенную фигуру Стольникова. Не похоже, что он умирал. Разве что рак какой внутри. Так тут я не помощник.

– Духовно погибаю... – добавил капитан. – Сил нет, хоть в петлю лезь!

– Ну пойдем в гостиную, – тяжело вздохнул я, повернулся к Лохтиной. – Ольга Владимировна, нам бы чайку.

– Сейчас все будет, прислуга уже вернулась.

Как только мы расположились в гостиной, кукушка в часах прокуковала дважды. Время обеда, а в желудке пусто.

– Измучило меня мое горе, отче.

– Не священник я, не рукоположен.

– Так даже лучше... – покивал Стольников. – Был я у попов в лавре и вообще... Обошел все главные монастыри. Нигде мне не захотели помочь, везде гнали бородатые вороны.

– Какой же грех на тебе? – удивился я.

– Смертный... – повесил голову мужчина. – Ольга Владимировна сказала, что я капитан. Но на самом деле я в отставке уже пять лет как. До этого работал в одесском пароходстве. Везили каторжан на Сахалин.

– Их разве не железной дорогой отправляют?

– Дорого и долго, – пояснил Стольников, – морем быстрее. Как открыли Суэцкий канал, так наши корабли начали возить кандальников. Тот рейс сразу не задался. Сначала котел сломался. Пока чинились, пропустили свою очередь в канале. Жара стояла невообразимая. Прошли Суэц, Аден, Коломбо, что на Цейлоне. Малаккским проливом добрались, наконец, до Южно-Китайского моря. И тут нас шторм накрыл. Да такой, каких я ранее не видывал. Мотало туда-сюда два дня. Не видно ни зги и ветер все усиливается. Котел опять сломался, нас понесло на рифы. Смотрю по карте, не вырулить нам. Как ударились носом, я сразу дал команду спасаться. Спустили с трудом шлюпки, а каторжане будто почувствовали – долбят в трюме, кричат. Жалобно так, сердце разрывается.

Капитан повесил голову, к чаю, что нам принесла прислуга, даже не притронулся.

– Нет в том твоего греха... – я тяжело вздохнул. – На все

воля Бога.

– Так это еще не все... – Стольников потер лицо руками, продолжил: – Я уходил последним, открыл замок на люке трюмном и сразу в лодку прыгнул. Отходим, а они высыпали на палубу. Корабль-то уже погружается, на правый бок его заваливать начало. Каторжане в воду и к нам.

Тут уже и у меня внутри похолодело, а капитан и вовсе закрыл руками лицо. Плечи вздрагивают.

– Ну-ну...

– Мы их веслами по головам, а они цепляются за борта, молят...

Стольников заплакал. А я даже и не знаю, что делать. Как утешить этого здоровяка?

– И это еще не все... – спустя пару минут капитан справился с собой. – Отошли мы от места крушения, взяли путь на юг. Шторм-то усиливается. Сначала одну лодку перевернуло, потом другую – только мы их и видели. Нашу понесло на запад. День плыли, два. Уже и шторм стих. Только вот лодка все сильнее текла. Откачивали воду круглые сутки, а ее все больше и больше. Но повезло. Увидели землю. Это были острова Ай-рабу. Поплыли к ближайшему. Гребли так, что руки отваливались – торопились. Там поймал нас прибой и как поволок по рифам. Всю лодку изломало, пятеро нас выплыло.

Капитан замолчал. А я уже понимал, куда все идет. Это только в сказках Робинзон Крузо себе персональную цивили-

лизацию выстраивает на острове. А в реальности...

– Островок маленький, за десять минут обойти можно... – Стольников тяжело сглотнул. – В центре скалы крохотное озеро. Вода собирается дождевая. С водой-то нам повезло...

– А с едой нет... – закончил я за капитана.

– Вообще ничего. Ни одного кокоса. Креветок да мидий мы в первый день подъели. Пытались ловить рыбу руками – бесполезно. День голодаем, второй. Через неделю решили тянуть жребий.

Я встал, подошел к окну. Видеть капитана уже не мог. Но и остановить его исповедь тоже рука не поднималась.

– Решили так... – глухо продолжал Стольников. – Кто вытянет короткую щепку... Ну вскрыет ножом себе жилы. Потом его съедим.

За окном продолжал толкаться народ, появилось несколько новых калек. Один юродивый в обносках что-то вещал толпе, показывая пальцем на крыльцо. Узнать бы что...

– Жребий Юрчику выпал. Юнге нашему, – совсем тихо произнес капитан.

– Я уже все понял... – все-таки не выдержал. – Сколько вас осталось?

– Трое.

– А спаслись как?

– Еще через неделю корабль мимо проходил. Китайский. Вытащили нас.

– И ты, вернувшись домой, пошел к попам, думал, очистят

они тебя от греха-то смертного?

Стольников скрипнул зубами:

– Гнали взащей.

Юродивый увидел меня в окне, поклонился в ноги. Наше у него закачались железные вериги.

– Вы не думайте, отче, я не с пустыми руками.

По столу что-то стукнуло. Я обернулся и увидел, что капитан достал саквояж, открыл его. Он был забит пачками денег.

– Тридцать тысяч. Рубль к рублю. Копил на часовенку или даже церквушку, чтобы, значаца, отмолили мои грехи там. Но священники не взяли. Отдам все вам. Только умоляю, отчитайте грех. Жить так больше не могу – хоть в петлю лезь. Как засыпаю – перед глазами Юрчик.

Юнгу уже не вернешь, а вот капитана еще можно спасти... Я посмотрел на Стольникова, подошел, закрыл саквояж.

– Плохие деньги.

– Ольга Владимировна сказала, – всхлипнул капитан, – что вы святой человек...

– Звать-то тебя как?

– Никодим.

– Одной отчиткой тут не обойтись. Жизнь за жизнь надо вернуть, Никодим. Двоих убили вы, осквернились – двоих спасти надо.

Капитан согласно закивал.

– Все сделаю! Жизни не пожалею. Только научите, отче.

– Остальные моряки где?..

– Один с ума сошел, в одесском желтом доме содержится. Другой в Москве осел, что с ним – не знаю. Но адресок есть.

– Жди тут.

Я вышел в коридор, шуганул лакеев, что подслушивали разговор. В своей комнате нашел Молитвослов, пролистал его. Самая сильная молитва для отчитки была «Живый в помощи Вышняго». Читали её в самых критических ситуациях, от врагов и во время бедствий. Состояла она из упоминания обещаний Бога сохранить и спасти своих. Самое то для профилактики самоубийства. Да и народ её уважает.

– Будешь при мне... – я вернулся обратно, показал капитану Молитвослов. – «Живый в помощи» над тобой буду читать каждое утро. Ежели сможем через тебя помочь людям каким, а паче спасти кого и почувствуешь ты себе облегчение, значит, все у нас сработало.

Стольников бросился целовать руку.

Глава 3

В полночь меня разбудили.

– Григорий Ефимович, просыпайся. – Над кроватью стояла со свечой Лохтина. На женщине была только белая ночнушка и больше ничего.

– Что случилось?

– Из дворца казаков прислали. С царевичем Алексеем беда.

Я ждал этого. Встал, быстро оделся. Саквояж с ассигнациями засунул подальше под кровать. Надо что-то решать с деньгами, хранить такую большую сумму в доме Лохтиных было безрассудно. Отдать обратно капитану? Расспросив Стольниково после молитвы, я понял, что моряк не так уж и беден. На суше он устроился концессионером – принимает заказы на перевозку грузов, работает по всей России, зашибает большие деньги.

– Где там старец?! Чево тянете? – недовольно спросил мужской голос в коридоре.

Я вышел из комнаты и нос к носу столкнулся с рослым усатым казаком в башлыке и бурке.

– Ты Распутин? Что-то не похож на старца!

– Много ты их видел!

– Что?..

Казак цапнул плетку, что была у него за поясом. А я об-

хватил его руками так, что он не мог пошевелиться. Сила у Распутина была будьте нате – легко, словно ребенка, я удерживал крупного казака, прижав его к стене коридора.

– Службу забыл? – рявкнул я в лицо усатого. – Кто таков? Казак еще поерзал, но потом все-таки сдался:

– Вахмистр Собственного его императорского величества конвоя. Петр Северцев.

– Приказ тебе какой даден?

– Доставить Распутина со всей быстротой во дворец.

Я отпустил вахмистра, тот поправил башлык, покачал головой:

– Силен!

– Вот и доставляй, раз приказали!

Мы вышли во двор, и я понял, что срочная доставка будет осуществляться лошадью обыкновенной: второй казак с факелом держал под уздцы гнедого жеребца, тот приплясывал, косил черным глазом.

– Ночью поломаемся по дороге.

– Ничо, сюда же доскакали! – успокоил меня Северцев.

Умею ли я ездить на лошади, никто даже не поинтересовался.

– Почему не телефонировали? – спросил я, хватая поводья жеребца.

– То нам неведомо... – пожал плечами вахмистр.

Ясно. Секретариат спит, а сам царь звонить не будет. Дал команду – выполняйте как хотите. Автомобиль прислать? А

казаки зачем?

Я одним рывком вскочил на лошадь, сжал колени. Жеребец заплясал подо мной, а я прислушался к телу. Есть, есть навыки... Ездил Распутин на четвероногих друзьях, да и как крестьянину-то без лошадки в селе?

– Ну, с Богом! – я махнул встревоженной Лохтиной рукой и стукнул коня пятками.

Спустя два часа мы были в Царском Селе. Охраняют его весьма и весьма – два поста подряд, один с пулеметом.

Тело затекло, я с трудом слез с коня возле парадного крыльца Александровского дворца и поразился обстановке – как будто в другую Россию приехал. Парк был мило так освещен электрическими фонарями, встречать нас выбежали не только конюхи, но и виляющие хвостами пухлые сеттеры.

Я чуть не сплюнул. Темная, голодная Россия с покосившимися заборами и эта пастораль...

– Извольте сюда, скорее.

Меня чуть ли не под руки внесли внутрь, служитель при входе отряхнул специальной щеткой снег с плеч, принял армяк.

Лакеи в старомодных ливреях и напудренных париках открывали массивные двери, долговязый, чопорный дворецкий с церемониальным посохом вел меня по хорошо освещенной анфиладе дворца. При этом успевал наставлять:

– В ноги его императорскому величеству не падать, рук не целовать!

– Что с царевичем? – перебил я его.

– Кровотечение. Дежурный доктор никак не может остановить.

– Откуда?

– Из носа.

Я чуть не фыркнул. И ради этого была вся эта безумная скачка по ночным дорогам?

Дворецкий что-то почувствовал, остановился. Наклонился ко мне, деликатно пояснил:

– Ее императорское величество очень волнуется. Кровь из носа идет не первый раз, но никогда не шла ночью.

Волнуется – это мягко сказано. У императрицы была истерика, Александра Федоровна плакала, заламывала руки. Рядом сустились фрейлины и лакеи, император стоял у окна, нервно курил папиросу.

На входе в Палисандровую гостиную я встал и оглядел царскую чету. Невысокий бородатый Николай производил впечатление сельского учителя. Ухоженный, весь такой домашний, в халате поверх белой сорочки. Александра Федоровна же была в муаровом закрытом платье. Статная, холеная. Тонкие черты лица, породистый нос, капризные нервические губы. Я не мог оторвать взгляд от нее. В Аликс явно было что-то притягательное.

– Григорий Распутин! – дворецкий громко объявил меня, отдал поклон царской чете.

Все присутствующие разом обернулись.

Я тоже поклонился, прошел в центр гостиной.

– Григорий! Спасибо, что так быстро приехал, – царь за-
тушил в пепельнице папиросу, страдальчески посмотрел на
Аликс.

Ага, так быстро, аж задница отваливается.

– Tu es notre vrai ami! – по-французски что-то произнесла
Александра Федоровна, вытирая слезы.

– Алекс, говори по-русски, – вздохнул Николай, а я впе-
рил в нее свой грозный взгляд.

Проверим эффект. Есть! Работает. Глаза императрицы
остекленели, она даже перестала плакать. Да она гипнабель-
на! Вот в чем секрет...

– Ежели дела плохи, надо к малому идти, – я сам разру-
шил очарование момента, когда Алекс смотрела на меня, как
мышь на удава.

– Да-да, пойдемте, – царица первая вскочила со стула, по-
шла вперед. В ее голосе чувствовался немецкий акцент, но
говорила она чисто.

Вся свита отправилась за нами.

Опять черед бесконечных помпезных комнат, гостиных,
залов... И вот мы в правом крыле, лакеи открывают двери
детской. Тут рядом с кроватью стоит плешивый доктор в бе-
лом халате. Очки подняты на лоб, в руках окровавленное по-
лотенце. Другое полотенце комком пухленькая медсестра с
красным крестом на переднике прикладывает к носу малень-
кого бледного мальчика.

– Все слава богу, ваше величество! – доктор улыбнулся царской чете, но заметив меня, прямо переменялся в лице.

– Как удалось остановить кровь, Константин Харитонович? – царица подошла к Алексею, погладила его по голове.

Я пригляделся к врачу. Нет, это не знаменитый Боткин! Но похож.

– Приложили лед, и все прошло.

– Позвольте представить вам нашего друга, Григория Ефимовича, – откашлялся Николай. – Он большой молитвенник, и его заступничество помогло прошлый раз Алексею.

– Я никогда не сомневался в силе целительной молитвы, – пожал плечами врач. – Константин Харитонович Хорн. Лейб-медик цесаревича.

– Чем же лечишь, медик-архимедик? – грубо поинтересовался я, подходя к Алексею.

Тот с удивлением смотрел на огромного бородатого мужика.

Хорн поморщился, но ответил:

– Аспирином, лекарство германской фирмы «Бауер».

Твою же мать! Взял склянку со столика у кровати и под изумленные взгляды царя, царицы и всей свиты, кинул на пол и растоптал сапогами.

– Не лекарство сие, а отрава! – мой голос заполнил всю комнату. Взгляд Аликс опять остекленел, народ впал в ступор. Все, кроме Хорна.

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнул он.

– Да, Григорий, что происходит? – очнулся Николай.

– Сия отрава разжижает кровь у Алексея. А надо давать то, что сгущает!

– Откуда вам это известно? – врач не собирался уступать.

– Не твое дело... – грубо ответил я. – Но проверить за мной легко. Возьмите десятерых козлят или бычков, дайте этого аспирина пятерым из них. И отворите кровь...

– Всем? – Александра Федоровна приоткрыла алые губки, посмотрела на меня с испугом.

– Всем. Ежели те пятеро, что выпили аспирина, будут кровоточить дольше другой пятерки, значица, Гришка Распутин спас Алексея. Вот и весь сказ!

Я перекрестился, а за мной перекрестился царь и вся свита.

– Давай, маленький, и ты с нами, – подвинув сиделку, я взял цесаревича за правую ручку, приложил ее ко лбу, к животу к правому и левому плечам. Ребенку это понравилось, он заулыбался.

– А что же сгущает кровь? – поинтересовался царь, подходя ближе.

– Так петрушка, – просто ответил я. – Молите ее сушеную мелко и давайте Алексею в каждой еде. Подали кашу – туда петрушку, суп – тако ж травку внутрь.

Все продолжили пялиться на меня с удивлением.

– Это какой-то антинаучный бред, – фыркнул Хорн, –

шарлатанство.

Как раз бредом это и не было. В петрушке из всех продуктов больше всего витамина К, а он сгущает кровь. Мой отец страдал тромбами – мать запретила ему есть эту зелень, так я и запомнил.

– А тако ж давайте жирное, – продолжил я, игнорируя врача, – сальце там, маслице...

– Я отказываюсь это слушать, ваше величество! – Хорн все никак не мог успокоиться. – Если лечение цесаревича будет вестись по рецептам... этого... господина, я снимаю с себя всю ответственность!

– Пойдите, пойдите, Константин Харитонович, – Николай растерянно посмотрел на жену, та пожала плечами. – Ведь можно проверить как-то эту... теорию? На тех же бычках.

Свита закивала.

– Бычки не будут есть сало, – усмехнулся Хорн, – но в принципе эту теорию можно проверить в клинике доктора Калмейера. Я с ним знаком, могу попросить набрать пациентов для изучения вопроса.

– Уж будьте любезны, Константин Харитонович, – царь посмотрел на меня задумчиво. – А с тобой, Григорий... Хочу приватно переговорить.

Мы вышли в соседний кабинет, который оказался классной комнатой. Стены были оклеены матовыми обоями оливкового цвета, стояли стеллажи с книгами и специальная гри-

фельная доска. Пол был закрыт бобриковым ковром цвета морской волны. Ясно, тут учатся цесаревны.

Я посмотрел на теорему Пифагора на доске, потер пальцем меловый след.

– Если насчет аспирина ты прав... – Николай сделал паузу, подошел к окну. Открыл форточку, достал папиросу из золотого портсигара. Начал ее мять в руках, не решаясь закурить, рядом как тень возник лакей с горящей спичкой. Тут же испарился, будто его и не было – Николай слугу даже не заметил, «мебель» она и есть мебель.

– Надобно не только немецкие лекарства, а вообще все проверять поперву, – я встал рядом, посмотрел в окно. Среди деревьев парка чернела вода Детского пруда.

– Слыхал, что героин да морфий хуже водки будут. Людишки в иступление от них приходят. А купить можно в любой аптеке! А еще кокаин прямо в водку добавляют, балтийский чай называется. Сколько народу от этой гадости поумирает... трудно сосчитать. Героин тут даже младенцам дают. Зубки режутся? На тебе тяжелый наркотик в капельках.

– Что же делать? – растерянно спросил Николай.

– Пушай сначала проверяют каждое лекарство, как привезут в Россию, – я закашлялся от сигаретного дыма, отошел подальше. – Все дурманы продавать токмо с разрешения врача. Принес бумажку с печатью от дохтура – на, покупай. Здоровым людям да детям запретить давать под страхом казни. На сей счет дать указку полиции.

– Дельно! – кивнул царь. – Скажу Столыпину, чтобы сделали предписание аптекам да лечебницам.

Николай задумался, разглядывая меня. Я же прошелся по классной комнате, полистал учебник на столе, поразглядывал шкафы. За стеклом было много книг детской писательницы Чарской, лежали игрушечные куклы... На стенах висели религиозные рисунки и акварели, расписание уроков.

– Как мне тебя отблагодарить? – самодержец наконец очнулся – Проси, что хочешь.

Как там у Пушкина?

Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою...

– Служить царю уже награда, – уклонился я от ответа.

– Вот! Вот он истинный русский дух, – глаза Николая увлажнились, он кинул папиросу в пепельницу, обнял меня.

– Отблагодарю достойно, даже не сомневайся, Григорий. Как с аспирином станет ясно, будет насчет тебя отдельный указ. А пока... пока разрешаю приезжать во дворец в любое время, без приглашений. Покои тебе выделяют в левом крыле, можешь оставаться на ночь.

– Благодарствую, ваше величество! – я поклонился царю
– Отслужу, не сумлевайтесь.

Вернулись в спальню Алексея, а там уже четыре дочки Николая и Аликс – Ольга, Татьяна,

Мария и Анастасия. Последняя реактивным самолетом носилась по комнате, а няньки и усатый грузный матрос в форменке пытались ее поймать.

– Вот, дети от шума проснулись, – смущенно улыбнулась царица.

– Да, да, пойдете обратно, – сообразил Николай.

Не обращая внимания на царя, я подошел к матросу, протянул руку:

– Григорий Ефимович. Распутин.

– Андрей Еремеевич, – удивился матрос, но руку пожал, – Деревянко.

Ага, это дядька царевича Алексея, взят Николаем из Гвардейского экипажа.

Наконец, младшую из дочерей поймали, мать погладила детей по головам, поцеловала в лобики, и няньки увели их спать.

А я смотрел вслед, и у меня сердце перехватывало. Подвал Ипатьевского дома, выстрелы, окровавленные штыки и кислота... Глядя на великих княжон, я поклялся себе этого не допустить. В лепешку разобьюсь, а детей спасу.

– Что же вы не идете, Григорий Ефимович? – царица удив-

ленно смотрела на меня в дверях. А я на нее.

Нет, спасти Александру Федоровну и Николая может оказаться не в моих силах. Слишком тяжела их вина в Ходынке, Кровавом воскресенье... Плясать на балу французского посланника с его женой, когда по Москве везут сотни трупов в телегах... Широким жестом «простить» тех, кто шел к нему с просьбой и в кого стреляли...

Я мрачно вздохнул. Не мне судить царя. А кому? Разумеется, русскому народу. И этот приговор еще не вынесен.

– Устал с дороги, – я поклонился всей свите сразу и никому конкретно.

– Да-да, – согласился Николай, – нам всем надо отдохнуть.

Царь нашел взглядом дворецкого, кивнул на меня. Слуги засуетились, повели в отведенные комнаты.

Покои оказались шикарными. Большая кровать под балдахином, фарфоровые вазы с букетами. Я подошел ближе, присмотрелся. Судя по тонкому голубому рисунку, одна из ваз и вовсе была эпохи Мин. Дорогая игрушка. Очень. Кучеряво так живут Романовы. Сколько же у них денег... А кстати, и правда, сколько? Я помнил, что сразу после восстания 1905 года Романовы эвакуировали часть своих капиталов из России и вложили деньги в бумаги Прусского консолидированного займа на секретных счетах в Германском имперском банке. И было тех ценных бумаг на десять миллионов золотых рублей. И это ведь только малая часть их капиталов, очень-очень малая. Кто там говорил, что деньги – это кровь

экономики? Маркс? Энгельс? Да... много «крови» высосали Романовы из народа.

Я стащил с кровати матрас, бросил его на пол. Сверху положил одну подушку и одеяло. Знаю я придворных... Лягу на кровать – завтра весь двор будет судачить о том, что старец на мягких перинах дрыхнет.

Сон не шел. Я встал у окна, открыл форточку, чтобы померзнуть – старое испытанное средство от бессонницы. Среди деревьев парка светились огоньки, а мне снова начали мерещиться образы: Ипатьевский дом, трупы в шахте, расстрелы княжон, слуг...

А почему я жалею только этих детей? Сколько еще умрет от голода, от пули? Всю Россию спасать надо. Причем ото всех – и от своры великих князей, и от невежества народа, и от войны. Само собой и от Николая. И одному тут не справиться.

Нужна сила, своя, разумная. Союз спасения! Нет, это уже было у декабристов.

Я прошелся по комнате, потер лицо руками.

Люди нужны, и перемены, но никак не резкие. Что с резкими переменами бывает, я, как историк, хорошо знаю. Военный коммунизм и гражданская война мне категорически не нравились. Всякая крутая сволочь вроде Корнилова или Колчака тоже. Николай? Слабый, зависимый правитель, довел страну до ручки. Каков же выход?

Я опять крепко задумался. Может, сделать из полусамомо-

державной страны, в которую превратилась Россия после манифеста 17 октября, – это тот, который про свободу совести, слова, собраний, свобода союзов и неприкосновенности личности, – приличную конституционную монархию?

Вон сколько их даже в ХХI веке было – Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Англия... Та же Япония. И не сказать, что плохо живут. Ну сидит себе на троне король. Или королева. Олицетворяют нацию, ее историю, традиции. А правят – представители текущей элиты. Снос правящей группы не означает сноса страны. Ну, сменилась команда одного зарвавшегося и охреневшего премьер-министра на другую, одна власть ушла, пришла другая. Поправила ошибки, развернула корабль, прущий на рифы, в сторону. Или вообще сняли его с рифов. Чем плохо?

Обратная связь. Вот чем всегда была слаба власть в России. Не любят у нас хоть в Кремле, хоть в Царском Селе получать обратную связь от общества, предпочитают не замечать, а ошибки накапливаются. А потом бац, количество по Гегелю переходит в качество, и все государство летит под откос. После чего семьдесят лет приходится в кровавом поту строить заново.

Я понял, что сегодня никак не заснуть, вышел в коридор. Полутемный дворец спал.

А, нет, бодрствовали лакеи! Стоило мне подойти к двери, как она распахнулась. Рослый голубоглазый парень в ливрее поклонился, посмотрел вопросительно.

– Не угодно ли что вашему... – слуга подбирал мне статус, – степенству? Могу накрыть на стол – разбужу повара.

Выпить было можно. Вина. Или даже водки. Но так и спиться недолго.

– Проводи на крыльцо, не спится.

– Сей секунд.

Лакей приглашающе распахнул вторую дверь, еще раз поклонился. Какой вежливый.

– Как звать?

– Прохор Ефимович Старков.

– Я тоже Ефимович, только Григорий. Выходит, мы с тобой, Прошка, тезки...

Пока шли, я выяснил подноготную лакея, которого представили ко мне. Выходец из разночинцев, служил сначала в одном из путевых дворцов династии, потом его приметил мать Николая – вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. Велела перевести в Зимний. Оттуда Прохор попал в Царское Село. Не женат, но в Рязани живет невеста.

– Это крыльцо с выходом в Цветочный сад, – лакей слегка откашлялся в кулак, смущенно спросил: – Изволите верхнюю одежду доставить?

– Я недолго, – махнул рукой, вышел на крыльцо как был в поддеве.

Снаружи было свежо, шел легкий снежок, похоже, завтра он опять растает. Справа у перил кто-то курил табак.

Я подошел ближе и обнаружил пышущего трубкой Дере-

вянко. Матрос кивнул мне, пробасил:

– Куришь, Григорий Ефимович?

– Нет, – коротко ответил я, но уходить не стал.

Облокотился на перила, всмотрелся в едва подсвеченный Цветочный сад. Тут проектировщики явно сэкономили на электрической разводке.

– Тоже не спится, Ефимыч? – Деревянко пыхнул дымом, облокотился рядом.

– Ночью встану у окна, – решил пошутить я, – и стою всю ночь без сна. Все волнуюсь об Расее, как там, бедная, она?

Матрос закашлялся, потом засмеялся. Выбил трубку в пепельницу.

– А говорили, дикий ты, прям из Сибири в чем был пришел к нам! А ты вона... виршами шпаришь!

– Кто говорил?

– Антриганы всякие.

– Не виляй, рассказывай, раз начал.

– Да есть тут протопоп один, Афанасий, служит при домово́й церкви. Как выпили с ним винца, говорил, что никакой ты не старец и не схимник, так, перекаати-поле человек, то здесь, то там. Много по монастырям постранствовал, да сколько таких на Руси... Феофана какого-то ругал.

Ясно. Не все в духовенстве довольны интригой, которую придумали Феофан и Сергей.

– Вот и скажи мне, мил человек, святой ты или как? – Деревянко хитро на меня посмотрел.

Этот ушлый хохол в Тобольск с Николаем не отправится. Сбежит из Царского Села, как только царь отречется. Да еще и обворует его.

— Давным-давно жил один человек, — начал я, — такой святости, что даже ангелы дивились. И нарочно сходили с неба, посмотреть: как земной человек может так уподобиться Богу?

Вот и попросили Бога: «Господи, сделай его чудотворцем!» Согласился Господь. Но велел узнать у праведника, какой дар он пожелает. Ангелы спросили человека: «Хочешь исцелять наложением рук?» И ответил святой: «Нет, пусть лучше Сам Господь творит это». — «Хочешь словом обращать грешников к покаянию?» — «То дело ангелов, а не слабого человека. А я помолюсь за грешных». — «Хочешь привлекать к себе добродетелью и тем прославить Бога?» — «Нет, так я буду отвлекать людей от Бога». — «Чего же ты хочешь?» — «Да не лишит меня Господь милости Своей! А с ней у меня все будет». Но ангелы настаивали, и тогда святой сказал: «Я хочу творить добро так, чтобы самому об этом не ведать».

Я замолчал, вздохнул.

— Вот ты какой, Григорий Распутин, — протянул удивленный матрос, — хочешь творить добрые дела...

— Уже творю, — я похлопал Деревянко по плечу и пошел спать.

Но так и не заснул. Все крутил в голове, что да как, куда

бежать, что делать.

Революционеров за два года Столыпин и без меня заровняет, до 1912 года, до Ленского расстрела, тишь да гладь будет. Вот и не будем ему мешать, а займемся другим флангом, там черносотенцы. Надо у них православную и монархическую повестку отобрать, вон, христианско-демократическое течение вполне в XX веке востребовано. Название, конечно, надо будет другое.

Вот и союзники вырисовываются – правые кадеты да левые октябристы, люди образованные, культурные, им только наглости и решительности не хватало, чего у Распутина – хоть ложкой ешь. Добавить активных, но управляемых православных, и пусть кадеты в Думе сидят, а радикалы на улицах бузят. Но это почти что Гапоновская программа получается... Так и хорошо! Людей его бесхозных под крыло и взять, чего зря организации пропадать. А разбавить... да хоть иоаннитами! Они, конечно, с крышей набекрень, Иоанна Кронштадтского за Христа почитают, но неужто Гришка их в свою веру не обратит?

Решено. В ближайшее время нужны контакты с иоаннитами и с остатками Общества фабрично-заводских рабочих. И написать христианскодемократическую программу.

Никаких радикалов, идем посередке, без революций, постепенно.

И как только соберу хоть каких людей, немедленно создавать легальную организацию – с высочайшего разрешения,

разумеется. Мол, видение мне было, только так кровь 9 января отмолить можно.

Глава 4

Утром Прохор принес мыло, зубную щетку и даже по моей просьбе подровнял бороду. Я, невыспавшийся и злой, разглядывал себя в зеркало. Надо что-то делать с прической. И с одеждой. С ней в первую очередь. «По одежке встречают». А провожают не по уму, а по тому, что его заменяет – болтовне. Красиво трепаться мне, дитю XXI века, совсем не трудно. С крестьянами буду по-простому. С аристократами загадочно. Купцы и промышленники предпочитают деловой стиль – тоже что-нибудь придумаю. А я ведь еще владею английским языком! Но решать вопрос с одеждой и штаб-квартирой надо скорее. И с оружием!

Еще до заговора Юсупова меня должна ткнуть ножом в живот мешанка Гусева. А направлять ее будут великий князь Николай Николаевич и глава партии «17 октября» Родзянко. Я невольно потер живот. Хорошо бы еще каким-нибудь бронежилетом обзавестись. Сейчас в ходу тяжелые стальные нагрудники для солдат – поди поноси такой каждый день. Надо думать...

Завтрак мне накрыли отдельно, в небольшой столовой с желтыми обоями. За окном стояла серая питерская погода, шел мокрый снег. Где-то в парке громко каркали вороны. Кажется, Николай любил на них поохотиться – видать, не все поголовье еще извел.

Завтрак оказался вполне себе английским – жареная колбаса, вареные яйца, тосты с маслом, чай. Для полной картины не хватало только овсянки. «А кто это там воет на болотах, Ватсон?» – «А это, Холмс, русские олигархи тоскуют по Родине».

– От его величества записка вашему степенству... – поклонился мне Прохор, подавая листок бумаги с имперским вензелем. В записке Николай приглашал меня в Воскресенскую церковь на панихиду по батюшке царю, Александру Третьему. Ровно двенадцать лет назад «Миротворец» умер от нефрита в Ливадии.

Голому собраться – только подпоясаться. Я протелефонировал в дом Лохтиных и уже через час был в Воскресенской церкви, ждал в притворе начала службы. Толстый протопоп (не тот ли Афанасий, о котором рассказывал Деревянко?) разговаривать со мной не пожелал, даже сделал вид, что плюет через правое плечо. Придворная публика тоже сторонилась – никого из вчерашней компании в церкви не было. Сторонились все, кроме двух аристократок, которые сразу подошли ко мне, стоило только выйти им из кареты.

– Григорий! Ты ли это?

Первая женщина откинула вуаль, подала манто подскочившему слуге. Красивая такая. Чернобровая, черноокая. Южанка. Но, как и у Лохтиной, красота ее уже пропела лето, наступила осень. Вторая дама тоже была из гречанок или турчанок. Нос бульбочкой, ухоженная, вся в драгоценностях.

Служка поднес аристократкам незажженные свечи, они перекрестились на иконы.

– Я, матушка, как есть я... – хотел поклониться, но потом решил не ломать спину, лишь кивнул.

Женщинам это явно не понравилось.

– Что же ты, Гриша, помимо нас в Царское заходишь? Договорились же вместе!

– Стана, тише! – одна из дам склонилась к уху другой. – На нас смотрят.

Ага. Это, значица, Стана и Милица. Две сердечные подруги царицы Александры Федоровны. Любительницы всего тайного, оккультного. Стана – принцесса черногорская, герцогиня Лейхтенбергская и русская великая княгиня. Супруга герцога Георгия Максимилиановича Лейхтенбергского, а вскоре великого князя Николая Николаевича. Милица – сестра ее из той же династии Петрович-Негош, супруга другого великого князя, Петра Николаевича. Две большие интриганки, главные организаторы травли Распутина. Но сейчас, кажется, у нас с ними полное сердечное согласие.

– Как же не прийти во дворец было, матушка, – пожал плечами я, – коли вызвали?

В церкви появился царь с царицей. Позади шли свитские, несколько священников... Все присутствующие подались вперед, показаться на глаза Николаю. Мне помог мой рост – я на голову возвышался над толпой. «Хозяин земли русской» заметил меня, приветливо кивнул.

Протопоп запел первые строчки начальной молитвы: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков...»

Встречаться с Николаем после панихиды я не планировал – задержит еще во дворце, а у меня много дел. Россия сама себя не спасет.

В самом конце службы тихо, по-английски, выскользнул из церкви, только у припаркованных карет вышла заминка. Не я один такой решил уйти пораньше – Стана забиралась на подножку, оглянулась. Поманила пальчиком в лайковой перчатке.

– Григорий! Чтобы вечером непременно был у нас. Расскажешь, как лечил царевича.

Ага, сейчас, только шнурки поглажу. Я нахмурился.

– Что же ты рожу кривишь?!

А вот это уже грубость. Я развернулся и, не отвечая, пошел прочь.

– Эй, паря, низзя так с княжной! – с облучка спрыгнул мордатый кучер, шелкнул кнутом.

Ловкий, сукин сын – самым кончиком кисть ожег. Я обернулся, потирая руку, кучер нагло скалил откормленную ряху, и терпение у меня разом лопнуло. Я прыгнул к нему, схватил правой рукой за грудки на камзоле, левой за пояс.

Рванул и под удивленный вскрик Станы бросил наглеца головой в сугроб у дороги.

– Охолони, защитничек!

После собрания боевой дружины товарищ Мирон как обычно уходил вместе с Дрюней. Слабый снег падал на город, Дрюня прокручивал в голове преподанную сегодня премудрость и оттого внимательных взглядов провожатого не замечал.

Уже у Нарвской заставы Мирон вдруг остановился, придержал парня за плечо и опустил ему в карман пальто нечто тяжелое.

– Завтра. В шесть утра за тобой пойдет Цапля.

– Что завтра? – растерянно спросил Дрюня. Он опустил руку в карман и выдернул ее, будто ожегшись – там, в драповой глубине, лежала холодная сталь пистолета.

– Завтра, – повторил товарищ Мирон. – Отомстишь за ба-
тю.

Дрюня закаменел, неуверенно кивнул, вновь полез в карман и обхватил рубчатую рукоятку «браунинга».

Почти год назад, 9 января, совсем рядом от этого места, у Нарвских ворот, винтовочная пуля догнала отца. Был он человеком работающим, искренне и глубоко верующим, так же и детей воспитал – старшего, Петра, Дрюню и трех сестер.

После похорон Дрюне пришлось уйти из Политехнического – без отцовского жалованья стало трудно, надо было работать, подрядился на ломовой извоз. И тогда же ему в го-

лову стали приходить разные мысли вразрез с христианским «не убий», а потом друг детства Демка позвал его в кружок, где и познакомил с товарищем Мироном.

Мало-помалу к Дрюне присмотрелись и летним днем взяли за город, где научили стрелять. Такие поездки становились все чаще, и вот, наконец, настоящее дело.

На следующий день Демка, известный в кружке как Цапля, не подвел, забежал в шесть. Через час они сидели в мастерской на Псковской и слушали Мирона, разложившего на столе карту города.

– В одиннадцать часов из портовой таможни, с Гутуевского острова выедет карета. Поедет по Обводному, Петергофской, Садовой и Подъяческой. Везут в губернское казначейство три баула – золото, кредитные билеты и процентные бумаги.

«Откуда знают?» – мелькнуло в голове Дрюни. «Ограбление?» – догнала следующая мысль.

– Охрана обычная, восемь жандармов, двое в карете, шестеро верхами. Теперь смотрите сюда, товарищи, – Мирон развернул вверх карты нарисованную от руки схему. – Вот здесь перекресток, карета пойдет медленней. И до казначейства уже близко, охрана расслабится. Тут мы их и встретим.

Еще за час распределили роли, кому где стоять, куда стрелять. Оказалось, что Мирон и еще два товарища за последнюю неделю все улочки и переулки вокруг этого места промерили шагами и просчитали расстояния. Дрюне поручили

пролетку с лошадыю, стоявшую в конюшне мастерской.

– Встанешь вот тут, у ресторана Кина. Делай вид, будто упряжь чинишь, седоков отшивай. Как сядет к тебе товарищ Труба, – Мирон глазами показал на барышню в пальтишке с каракулевым воротником и муфточкой, – так сразу гони сюда. Вопросы есть?

– Так это что, ограбление?

– Ограбление – это если мы эти деньги пропьем и прокутим. Но это экспроприация, и эти деньги пойдут на помощь нашим товарищам на каторге, в тюрьмах, на издание газет и листовок. Понятно?

Дрюня кивнул. В кружке много говорили об экспроприациях, и он сам мечтал отнять много денег у царских сволочей, чтобы помочь рабочим, чтобы сделать жизнь свободной.

Почти в половину двенадцатого Дрюня поставил пролетку у ресторана, слез с козел и принялся ковыряться с постромками, поглядывая по сторонам. Место было тихое, немногочисленное, не сравнить с соседним Вознесенским проспектом. Кое-какое шевеление было только у дверей портерной лавки, да шедший в сторону канала крестьянин с длинными распущенными волосами ожег Дрюню пронзительным взглядом.

Дрюня поежился, поглядел ему вслед и только сейчас заметил, что тот был не один, рядом шагал широкоплечий мужик с мрачным лицом. А крестьянин как будто почувствовал взгляд, обернулся и снова зыркнул своими глазами, да так, что у Дрюни сердце ушло в пятки, погрозил пальцем

и потопал дальше, к пешеходному мостику.

И сразу за ним из-за угла показалась карета с охраной.

Показалась, проехала перекресток с переулком и не успела скрыться за другим углом, как грохнул первый взрыв.

Дрюня подскочил и только инстинктивно успел схватить поводья и придержать захрапевшую лошадь.

Вдоль канала валил дым и сыпались стекла, страшно кричал бившийся на земле конь.

Застучали первые выстрелы.

И второй взрыв, аж земля вздрогнула!

Упала вывеска портерной, трех жандармов сбросило с седла, лошади поднялись на дыбы.

В сторону метнулся окровавленный человек.

Выстрелы звучали все чаще, вступила вторая группа товарищей.

Жандармы кое-как отстреливались, один присел за тумбой спиной к Дрюне, в каких-то двух десятках саженей, и Дрюня полез в карман за пистолетом, но вовремя спохватился, что его дело сегодня вовсе не стрелять.

Из портерной выскочили трое, товарищ Мирон на бегу выстрелил в жандарма за тумбой, тот повалился кулем, боевики подскочили к карете, распахнули двери, вытащили баулы и кинулись врассыпную.

Со всех сторон стали слышны крики прохожих и свистки городских и дворников.

Послышался и троекратный свист Мирона – сигнал на от-

ход.

Мимо Дрюни пронесся Цапля, на ходу закинул баул в пролетку, и тут же из дверей ресторана вышла Труба, повелительно махнула рукой и села в коляску. Дрюня поклонился, бросил постромки, запрыгнул на облучок и тронул.

– Хватай их!

По другой стороне пробежал еще один боевик с баулом, стреляя за спину, ему отвечал городской, и Дрюня хлестнул лошадь еще раз, обернулся и увидел упавшего в крови Цаплю, которого добивал прикладом набежавший солдат, а офицер стрелял из револьвера в другого боевика.

На канал он свернул мимо убитых и раненых лошадей, пяти неподвижных тел на мостовой и ползущих к дому жандарма и боевика.

За обоими тянулся широкий кровавый след.

– Держи! Лови!

На мостике косматый мужик и его спутник обхватили каждый по боевику и выламывали им руки – одному с пистолетом, второму с баулом.

Последним он увидел товарища Мирона с поднятой рукой, из которой выпадал пистолет.

Свистнули запоздалые пули, за поворотом, в переулке, бухнул еще один взрыв, но Дрюня уже мчался в сторону от побоища, подгоняя лошадь вожжами, мимо спешащих к центру событий городских, дворников, солдат...

– Вылезай, Труба, приехали, – грубовато кинул Дрюня за

спину, загоняя пролетку во двор мастерской.

Труба сидела, открыв рот с ровными зубками, привалившись к правому бортику, и смотрела в небо широко распахнутыми мертвыми глазами. Тонкая кисть, сжимавшая маленький «браунинг», наполовину вылезла из муфточки.

Дрюня понял, что остался один. Цапля и Мирон погибли, больше связи не было ни с кем. Самое меньшее двоих схватили, и значит, жандармы скоро будет здесь.

Баул.

Тугие пачки красных и синих ассигнаций, пуд или даже полтора...

И за все это заплачено десятком жизней.

Господи, прости!

Дрюню охватило отчаяние, он хотел было добежать до канала и утопить баул, но тогда... тогда все жертвы зря.

В мастерской нашелся драный кожушок, картуз с треснутым козырьком, два рогожных куля через плечо... Дрюня пересыпал пачки, завалил сверху найденной тут же ветошью, переоделся и кинулся в бег.

Через заборы и дворы он выбрался на Садовую, потом на Фонтанку и остановился на углу Дровяной.

Куда идти?

Домой ему точно нельзя. Теперь уже никогда, и Дрюня сглотнул слезу, до конца осознав весь ужас своего положения. Куда же?

Вдали тренькнули колокола Троицкого собора.

Помолиться за убиенных!

И он зашагал на звон.

* * *

Со Стольниковым уговорились встретиться на углу Фонарного и Мойки, он собирался разузнать про один дом на Екатерининском канале, а у меня был шоппинг. Придумал я себе одежду, чтоб все вздрагивали, вот и пошел к портным. Адресов мне накидали Ольга и капитан, я выбрал те, что поближе к Фонарному, чтобы зря ноги не бить. Но первые два не понравились – один был на публику побогаче, влезть со скандалом было можно, но что мне это даст?

Второй не понравился из-за слишком ушлого приказчика, а вот третий был что надо. Ателье явно видело лучшие времена, так что за денежного клиента уцепятся и сделают все, как потребую.

– Чего желаете-с? Костюм, пальто, сюртук, визитку? – поклонился хозяин.

Ну точно, даже подмастерьев нет, все сам.

– Нет, то без надобности.

– Видите ли... – замялся портной, – если армяк или поддевку, то это не по моей части, могу порекомендовать...

А он еще и честный малый, совсем хорошо.

– Нет. Смотри.

И я попытался изобразить Нео – длинная гладкая куртка

с широкими рукавами, глухая застежка до самого воротника-стойки.

– Довольно необычно, вам такой фасон точно подойдет?

– Ты не спрашивай, ты делай.

Дальше он уточнял про материю, сыпал ничего не говорившими мне названиями – донегол, драп, шевиот, английский габардин, – и, наконец, по моей просьбе принес обрезки шелка. Я перебрал их и ткнул в плотный кусок зеленого цвета.

– Такой, но темно-синий.

– Дорогая ткань, – с сомнением поглядел на меня швейных дел мастер. – Рублей на тридцать пойдет.

– Пушай, – я вытащил пачку и отсчитал шестьдесят. – Бери на два.

Портной сразу стал называть меня а-ля Прохор – ваше степенство, полчаса порхал вокруг с сантиметром в руках и карандашом за ухом и под конец застенчиво попросил рублей десять задатка. Получив их и требование сделать все быстро, назначил первую примерку на завтра.

В магазине товаров для спорта и охоты мне навстречу выскочил приказчик – вот точь-в-точь, как показывали в сериалах про это время. Прилизанные волосы, пробор посередине, завитые усишки, стоячий воротничок, белые нарукавники, жилет...

– Чего изволите? Можем предложить исключительный выбор ружей для охоты-с, – зататорил он, с ходу опреде-

лив меня в категорию деревенских охотников.

– Не мельтеши, – подвинул я его с дороги. – Где тут у вас пистолеты?

– Революеры-с? Прошу за мной. Пожалуйста, револьвер «Бульдог», бельгийской работы, центральный бой, вороненый... нет? Вот револьвер фабрики Смита и Вессона в Америке, много лет состоят вне конкуренции-с, удивительная прочность и сила боя... Тоже нет?

Глаза разбегались. Тут были изящные дамские револьверчики, способные пристрелить разве что муху, велодоги, чтобы гонять собак, рекомендованные пистолеты, которые разрешалось покупать офицерам вместо штатного нагана... Как там автоматические пистолеты назывались?

– Самозарядный нужен.

Он придиричиво оглядел меня и предупредил:

– От двадцати рублей.

Я молча показал пачку денег, и приказчик, улыбнувшись, как кот на сметану, зачастил снова:

– Тогда вас может заинтересовать-с вот это. Коробка присоединяется в качестве приклада, получается легкий охотничий карабин с отличной точностью-с, – он все еще считал, что мне нужно оружие для охоты. – Немецкая фирма Маузера. Модель для туристов.

Нефиговые тут туристы, однако.

Минут за десять мы просмотрели штук восемь или девять разных пистолей, прежде чем добрались до реально необхо-

димого.

– Пистолет-самозарядчик Браунинга. Семь патронов-с, предохранитель, меткость необыкновенная-с.

– Во, давай.

Приказчик замялся и поведал, что ввиду известных событий последнего года в империи, согласно приказу генерал-губернатора, подобные пистолеты продают только на основании именного свидетельства, выданного градоначальником. Я попытался было решить проблему, предложив ему сверху красненькую, и жадность, мелькнувшая в его глазах, совсем было убедила меня в успехе, но...

– Никак невозможно-с, – с сожалением проводил глазами уплывающую десятку торговец, – за нарушение означенных постановлений-с полагается трехмесячный арест или штраф в пятьсот рублей.

Ну, за пятьсот рублей и я не готов покупать ствол. Придется решать проблему по-другому.

На углу Фонарного меня дожидался Стольников, и мы тронулись смотреть дом. Уже когда прошли весь переулок, у последнего дома перед каналом капитан ткнул меня в бок и показал на извозчика, ковырявшего упряжь.

– Дерганный малый, ему постромку вязать, а он все по сторонам зыркает.

И точно, молодой парень-извозчик был странный, он неуловимо отличался от тех, кого я успел тут повидать, и его больше интересовало происходящее на углу, чем собствен-

ный экипаж. Мы встретились взглядами, и он немедленно уткнулся в пряжки и ремешки упряжи, но косил глазом.

Уже на углу я обернулся и опять поймал его взгляд, из чистого озорства погрозил ему пальцем и потопал к пешеходному мостику через Фонтанку.

Дальше за спиной процокали копыта и начался ад.

Грохнули несколько взрывов, засвистели пули, нас осыпало осколками стекла.

Я толкнул капитана за каменный столбик моста и нырнул туда сам.

Ржали и хрипели лошади, стучали выстрелы.

Снова бахнуло, мимо пробежали трое с пистолетами.

Да, сходил за хлебушком... Весело тут живут, не ровен час, голову отстрелят. Нет, нужен бронежилет.

Заливались трели свистков, кто-то орал «Держи! Хватай!», стрельба стала реже, и я высунулся поглядеть. Прямо на нас, отстреливаясь от преследователей за спиной, бежали по мостику двое.

– Взяли! – рывкнул капитан и первым выскочил им навстречу, я невольно кинулся за ним.

Они даже не поняли, что произошло, когда Стольников обхватил первого, а я врезал второму по руке с пистолетом и заломил ее за спину.

Стрельба закончилась. Со всех сторон набегали городовые, солдаты и дворники. Прохожие пытались побить пойманных нами, но полицейские разогнали доброхотов и пота-

щили нас в участок.

Мимо лежавших на земле трупов жандармов и боевиков, растерзанной кареты, бившихся в судорогах лошадей, мимо засыпанного осколками стекла пяточка.

– Посмотрели дом... – протянул Стольников, как только мы вышли из полиции.

За час с нас сняли показания, переписали имена-фамилии и где проживаем, велели из города не отлучаться. Двух помятых боевиков упрятали в каталажку, но самый фурор случился, когда открыли небольшой кожаный баул. Внутри, в тканевом мешочке лежали золотые монеты. Много, несколько сотен. Такое богатство мимо прошло, да что уж теперь.

Но был от визита в полицию и плюс. На дознание в околоточный участок примчался сам Владимир Гаврилович Филиппов – начальник сыскной полиции Санкт-Петербурга. Раскормленный «морж» со свисающими щеками. Его начальственный рык прибавил скорости полицейским, а мы были удостоены благодарственного кивка. Под это дело я попросил выдать разрешение на «браунинг». Филиппов сначала поморщился, но как только увидел записку от Николая с царским вензелем, сразу подобрел. В участке уже были чистые бланки градоначальника на оружие, так что оформление документов не заняло много времени.

– Помолиться бы за убиенных, – нерешительно предложил капитан, когда мы вышли на улицу и вдохнули морозный питерский воздух.

– Правильно мыслишь, только где тут церковь?
Вдалеке как раз тренькнули колокола Троицкого собора.

Глава 5

Здоровый дьякон в широкой хламиде поднял правой рукой парчовую ленту и забасил:

– Вся святая помянувшие, вновь и вновь миром Господу помолимся!

– Господи, помилуй! – вступил хор.

– О принесенных и освященных честных дарах Господу помолимся!

– Господи, помилуй!

Вот тоже задачка. Я же ни порядка, ни текста служб толком не знаю, Часослов, что ли, купить. Уровень моей, так сказать, христианской культуры ужасающе низок по сравнению даже со средним здешним прихожанином. Он-то, по крайней мере, знает, в каком месте надо креститься, а мне приходится косить глазом на молящихся и повторять, маскируясь неторопливостью и размеренностью жеста.

– Об избавлении нас от всякия скорби, гнева и нужды Господу помолимся.

– Господи, помилуй!

– Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас. Боже, Твоею благодатию.

– Господи, помилуй!

Народу было не так чтобы много, середина дня, но очень разного, от классических старушек до крепких краснорожих

молодцев. Было несколько небольших групп солдат, скинувших при входе круглые барашковые шапочки, как у Меньшикова в «Сибирском цирюльнике». Служивые быстро разошлись к разным иконам, уверенно так, по-хозяйски, видно, не первый раз здесь.

Заскочил мальчишка-разносчик, воткнул копеечную свечку у иконы и торопливо, шевеля губами, читал молитвы. О чем? Милый дедушка, забери меня обратно?

Или вон, молодой парень, явно деревенский, с мешками, в драном тулупчике, бьет поклоны перед иконой. На ней – святой и крест, наверное, Андрей Первозванный.

Ой! Ну и локоть у Стольниковова, второй раз уже так поддает, что дышалку перехватывает. Надо отучить его от этой привычки, мужик он здоровый, не ровен час ребра мне поломают. Я придержал руку Никодима и вопросительно дернул подбородком.

– Вон, у Первозванного... – зашептал капитан.

– Парень?

– Ага, тот самый.

– Какой тот самый?

– Что постромки вязал.

Я пригляделся – и точно, это был тот дерганный извозчик, которому я грозил пальцем.

– Сдается мне, он из бунтовщиков, что на карету напали, – продолжал Стольников.

– Пошли поближе.

Через минуту мы встали позади парня. Молился он истово, а когда дьякон возгласил «Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у Господа просим» и хор запел «Поддай, Господи!», прямо затрясся в рыданиях.

Я положил ему руку на плечо.

Парень вздрогнул, повернулся, и его глаза расширились от ужаса. Он было дернулся от меня, но там его придержал капитан.

– Плохо тебе, паря?

Он обмяк и закивал, размазывая слезы по щекам.

– Поди, за убиенных молишься?

Он заплакал еще пуще.

– Мы тоже. Спастишь хочешь?

– Да! – и столько веры и надежды было в этом «да», что я сразу понял – парня бросать нельзя.

– Соединение веры и причастие Святого Духа испросивши, сами себя, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим!

– Тебе, Господи!

Из церкви вышли вместе.

* * *

– Что делать-то думаешь, паря?

– Не знаю, – он шмыгнул носом и потупился. – Один я.

– Звать как?

– Дрюня. То есть Андрей.

– Жить есть где?

– Теперь нет. Домой нельзя, ищут небось, а там мама и сестры.

– Ну так сам дурак, зачем в такое дело полез?

– Несправедливость не люблю. Эксплуататоров. И за отца отомстить.

– Так кто же ее любит? Только такое дело, справедливость у каждого своя. Тебе вон справедливо, чтобы семья хорошо жила, крестьянину – чтобы урожай был да недоимки не тянули, купцу – чтобы товар выгодно продать. Вы же что за справедливость считаете, отнять и раздать всем?

Дрюня кивнул.

– Ну так сам прикинь, вот есть миллионщик, сто миллионов у него.

От такой колоссальной суммы даже Стольников обомлел и крикнул в кулак.

– И вот поделим на всех в Рассее, сколько нас народу, миллионов сто пятьдесят? Сам посчитаешь? Вот! – продолжил я, увидев по Дрюнину лицу, что он свел баланс. – Меньше рубля на нос, оно того стоит?

– Так миллионщиков не один в стране!

– Правильно, но сколько их? Меньше тысячи, и не у каждого сто миллионов, у большей части по миллиону-два. Но пусть все разделим и каждому рабочему или крестьянину по тыще рублей достанется.

Это уже была представимая сумма, и Дрюня вполне знал, что с ней можно сделать.

– Так одежды закупить, книжек, еды, машинку там швейную...

– Ага, и каждый точно так подумает. А где сто пятьдесят миллионов машинок взять, а? И книжек на столько народу кто напечатает? И одежды нашьет?

Дрюня подумал, повспоминал читанные брошюрки и сказал:

– Так надо эксплуататоров прогнать и самим все сделать!

– А ты умеешь? Или товарищи твои, они знают, как фабрикой управлять? Вот, видишь, без опытных людей никак. И пусть у твоих ксплотаторов будет добра впятеро, вдесятеро, главное, чтобы у каждого в России были книжки, одежда, да еды вдоволь! Делить и отнимать просто, а вот попробуй складывать да умножать. И уж совсем худо, когда из-за идеек разных людей убивать начинают. Ума на то много не надо, а творение Божье жизни лишать – душу свою губить. Вот представь, коли твои товарищи всех богатеев поубивают и своего добьются, как ты с душегубами рядом жить будешь?

Дрюня даром что рот не разинул:

– Вы прямо как мой отец говорите...

– Ну, значит, умный человек был твой батя. Ладно, что с мешками делать думаешь? Ну теми, что с кареты взяли.

– Забирайте, – страдальчески поморщился парень. – Видеть их не могу, кровь мерещится.

– Ништо, отсчитаем, очистим и на такое дело пустим, чтобы у каждого хорошая жизнь была! Ты как, согласный?

Андрей облегченно кивнул.

В бауле лежали пачки четвертных билетов, но была пачка пятидесятирублевых и несколько пачек десятков, а также пятерки и трешки. Когда пересчитали – ахнули. Триста шестьдесят две тысячи рублей.

* * *

Дом удалось найти не сразу, посмотрели мы четыре или пять. Теперь, когда денег было реально много, надо было брать «на вырост», под будущую организацию. А показывали нам либо очень маленькие, либо очень большие дома. Мы было отчаялись, но Никодим вычитал в газете о распродаже винного склада с лавкой и потащил смотреть. Я вроде засомневался – продает-то не дом, но Стольников убедил меня, в конце концов, кто из нас здешнюю коммерцию лучше знает?

Здание понравилось сразу – три этажа, с большущей винной лавкой на первом и здоровенным подвалом под бочки. Вход в лавку, вход в подвал, вход в контору, вход в квартиры – чисто лабиринт. А еще черный ход! Вот и хорошо, вместо лавки сделаем зал для собраний, а в подвал... а типографию поставим. Надо же нам печатать воззвания да прокламации. Может, и собственную газету...

На собственный двор выходили торцевые стены двух со-

седних зданий, в промежутках – крепкий забор высотой метра три. Две калитки, обитые железом, здоровенные висячие замки. Каретный сарай, конюшня – битюгов и повозки уже продали. Дровяной склад.

– Что скажешь, Григорий Ефимович?

– Пойдет.

И капитан ринулся в бой. Хозяину было уже крепко за семьдесят, сыновей не случилось, зятьям бизнес передавать не хотел наотрез, а сам уже не тянул. И надумал все распродать, уехать в родную деревню под Архангельском, а дом сдавать.

– Так, Василий Михайлович, это ж сколько возни будет! – вился вокруг Стольников. – Смотри, чини, деньги с нанимателей собирай.

– На то управляющий будет, – отвечивал старец, но к доводам капитана прислушивался.

– Э, управляющие... дело такое, без хозяйского пригляду блудить начинают, больше не об деле, а о своем кармане думают. Ей-ей, одна морока выйдет. Вот если б вы в Питере остались – другое дело, свой глазок – свой смотрок.

И уломал. Дед подумал, почесал в затылке, припомнил всякие случаи из своей долгой жизни и буквально хватил шапкой оземь.

И начал торговаться. С жаром, страстью, с артистизмом. Впрочем, Никодим ничуть не уступал, и я, как замороженный, смотрел на это представление истинных мастеров тор-

га. Они сходились, почти били по рукам, расходились, выискивали умопомрачительные резоны поднять или сбить цену, вызывали к совести друг друга, к Богу и, похоже, сами наслаждались этим спектаклем.

Через час, наверное, дед сдался.

– Уморил, ох уморил, черт языкастый. Где ж так выучился?

– Так капитан я, торговый.

– Тогда ясно. Ну-с, пожалуем к нотариусу, честь честью купчую подпишем. Но магарыч с тебя! – оставил за собой последнее слово хозяин.

– Коли магарычи выпиты, то и дело покончено, – согласился Стольников.

У нотариуса все оформили довольно быстро, перед подписанием я взял прочесть составленную бумагу.

Так, я, такой-сякой гильдии купец... продал покупщику, торгового флота капитану... принадлежащий мне дом с дворовыми постройками и подвалом... имущество свободно от запрещения... Деньги выплачены сполна и мной получены...

Юридический язык Российской империи был ничуть не проще такового же Российской Федерации. Я наморщил лоб и выдавил показавшийся мне важным вопрос:

– Надо бы указать, на основании чего продавец владел имуществом.

И тут как органчик включился.

– Мнение, что неуказание в купчей акта укрепления, по которому имение дошло к продавцу, есть неправильное, – загнул нотариус, – ибо, как истекает из систематического толкования статьи 1426, она относится к обрядовой стороне совершения купчей крепости, причем купчая отнюдь не должна содержать в себе под страхом недействительности все изъяснения, указанные в статье, а лишь может содержать таковые.

Ух, силен! Это он на одном дыхании выдал, и наизусть!

Покупку обмыли в близлежащем трактире. И чего дед жаловался, что дела вести тяжело? Вон, водку как молодой, стаканами пьет, мне не угнаться... Почему это не угнаться? Грише Новинскому да, не получится, а Гришке Распутину запросто. И я замахнул стакан не отрываясь.

Получили мы ключи и пошли осматривать приобретение. Вместе с домом нам достались два рыжих кобеля неизвестной породы, собственный колодец, несколько сажень дров.

Но стоило зайти с парадного входа, как на меня шибанул винный запах. Оно бы и ничего, но сюда будет приходить много людей – сразу найдутся доброхоты, будут нашептывать царю и царице: «Старец хлещет, как не в себя, весь дом провонял».

– Ништо, Григорий Ефимович, – выручил Стольников, – способ известный, сперва мыла настругать в горячую воду, да отдраить все, а потом нашатыря тоже в воду и по второму разу. Ну и проветрить.

– Так это ж весь дом скоблить!

– Кликнуть баб, рубль в день, они тебе такой аврал устроят – любо-дорого, потом хоть белым платочком сможешь косяки да перила протирать.

– Тогда бабы и аврал – на тебе, Никодим. Чтоб с Дрюней вычистили все, еще неделю на то, чтобы подправить, подкрасить, поменять чего, а там и переедем. И вот еще. Хороший банковский сейф нужен. За ценой не гонись, купи самый надежный.

Капитан только руками развел. А ты как хотел, армейский принцип: инициатива имеет инициатора.

* * *

24 октября 1906 года, 10:10

Санкт-Петербург

На подворье Троице-Сергиевой лавры меня доставили практически под конвоем.

К дому Лохтиных приехали на санях два хмурых монаха в тулупах поверх подрясников, шуганули толпу под окнами.

Надо сказать, народа в окрестностях прибавилось, местные власти даже отрядили городского следить за порядком. Больше стало всяких кликуш, юродивых. Очень докучали попрошайки. Эти стучались в двери, заглядывали в окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.